
Переводные

учебники ВШЭ

Manuel Castells

Communication

Power

Мануэль Кастельс

Власть

КОММУНИКАЦИИ

Перевод с английского
Н.М. ТЫЛЕВИЧ
под научной редакцией А.И. ЧЕРНЫХ

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2016

УДК 316.65
ББК 60.56
К28

Подготовлено в рамках проекта ВШЭ по изданию переводов учебной литературы

Кастельс, М. Власть коммуникации [Текст] : учеб. пособие / К28 М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 564 , [4] с. — (Переводные учебники ВШЭ). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1009-4 (в пер.).

Книга одного из крупнейших социологов современности Мануэля Кастельса, известного российскому читателю по опубликованным ранее произведениям, представляет собой поистине энциклопедию «работы» власти в современном пронизанном медиа мире. Автор дает практически исчерпывающее представление как о современном политическом процессе, существующем только через посредство медиа, так и об используемых последними способах привлечения общественного внимания (самого дорогого ресурса сегодня!), среди которых одним из наиболее популярных оказывается скандал. М. Кастельс отталкивается от последних достижений нейронауки в изучении эмоционального интеллекта, позволяющих успешно использовать техники так называемой каскадной активации, фрейминга, прайминга и других методов воздействия на зрителя/читателя/слушателя. Для подтверждения своих идей он использует как американские реалии, так и политические процессы в разных странах мира. Особый интерес представляет заключительная глава, посвященная первой президентской избирательной кампании Барака Обамы, успех которой в решающей степени был обусловлен прорывным решением его избирательного штаба об активнейшем использовании социальных медиа.

Несмотря на сугубо академический характер (только библиография занимает 48 страниц), множество диаграмм и таблиц, что делает книгу незаменимым подспорьем в профессиональной практике политологов, прекрасным компендиумом и «точкой роста» для студентов, она представляет значительный интерес и для широкой читательской аудитории, поскольку написана увлекательно и прекрасным языком.

УДК 316.65
ББК 60.56

Communication Power, First Edition was originally published in English in 2009. This translation is published by arrangement with Oxford University Press.

ISBN 978-0-19-956704-1 (англ.)
ISBN 978-5-7598-1009-4 (рус.)

© Manuel Castells 2009
© Перевод на русский язык, оформление.
Издательский дом Высшей школы экономики, 2016

Содержание

Благодарности	9
Список рисунков.....	13
Список таблиц.....	16
Введение	18
Глава 1. Власть в сетевом обществе	27
Что такое власть?.....	27
Государство и власть в глобальную эпоху	34
Сети.....	37
Глобальное сетевое общество	41
Сетевое государство	56
Власть в сетях.....	60
Власть и контрвласть в сетевом обществе	66
Заключение. Понимание властных отношений в глобальном сетевом обществе	68
Глава 2. Коммуникация в цифровую эпоху	73
Коммуникационная революция?	73
Технологическая конвергенция и новая система мультимедиа: от массовой коммуникации к массовой самокоммуникации.....	77
Организация и менеджмент коммуникаций: глобальные мультимедийные бизнес-сети.....	90
Методы политики регулирования	123
Культурные изменения в глобализующемся мире.....	141
Креативная аудитория	152
Коммуникация в глобальную дигитальную эпоху	160
Глава 3. Сети сознания и власти	163
Ветряные мельницы сознания.....	163
Эмоции, познание и политика	172
Эмоции и познание в политических кампаниях.....	177
Политика убеждения.....	180
Фреймирование сознания.....	182
Покоряя умы, покоряя Ирак, покоряя Вашингтон: от дезинформации к мистификации	193
Сила фрейма	217

Глава 4. Программируя сети коммуникации:	
медиаполитика, политика скандала и кризис демократии	221
Обретение власти через создание имиджа	221
Убийственные (семантические) поля:	
медиаполитика в действии.....	224
Политика скандала.....	271
Государство и медиаполитика: пропаганда и контроль.....	295
Упадок политического доверия	
и кризис политической легитимности	318
Кризис демократии?	328
Глава 5. Перепрограммируя сети коммуникации:	
социальные движения, повстанческая политика	
и новая публичная сфера	332
Подогревая глобальное потепление:	
инвайронментализм и новая культура природы.....	336
Сеть как сообщение: глобальные движения	
против корпоративной глобализации	374
Мобил-изация сопротивления:	
беспроводная коммуникация	
и практика повстанческих сообществ	381
«Да, мы можем!»: праймериз Обамы	
в президентской кампании 2008 г.	399
Перепрограммируя сети, переоснащая сознание,	
изменяя мир.....	449
Заключение. К коммуникационной теории власти	453
Приложение	469
Литература	510
Указатель имен	558

Памяти Никоса Паулантцаса,
моего брата,
теоретика власти

Благодарности

Обычно книги — это коллективное предприятие при единоличной ответственности автора. Данная не является исключением. Она зародилась в моем сознании достаточно давно, но развернулась во взаимодействии с коллегами и студентами по всему миру и сформировалась под воздействием академической среды и социального окружения, в которых я жил и работал с начала этого тысячелетия. Таким образом, имена людей и названия институтов — соавторов этой работы — не только дань уважения, но и точность со стороны автора книги.

Мои первые слова благодарности — Амелии Арсено, моему докторанту, выдающемуся ассистенту-исследователю, получателю Уоллисовской стипендии Анненбергской школы коммуникации при Университете Южной Калифорнии. Говоря проще, без ее интеллектуальных качеств и личной преданности работе на протяжении ряда лет не существовало бы этой книги в ее нынешней форме. Амелия Арсено будет продолжать свою академическую карьеру, став зрелым исследователем с прекрасными принципами, которые она применяет для понимания мира, чтобы сделать его лучше.

Дополнительной поддержкой исследованию, на котором базируется эта книга, стала исключительная помощь со стороны Лорен Мовиус, Саши Констанца-Чок и Шарон Фэйн, выпускников Анненбергской школы коммуникации, а также со стороны доктора Мерител Рока, моего сотрудника по Интернет-междисциплинарному институту Открытого университета Каталонии в Барселоне. Более ранние версии исследований, представленные в этом томе, обсуждались и изменялись в ходе совместной работы с моими студентами в Анненбергской школе коммуникаций. Я хочу выразить особую благодарность студентам моего исследовательского семинара Com620: «Коммуникация, технология и власть» весной 2008 г. Конкретные выражения благодарности нескольким студентам этого и других семинаров можно найти в сносках и примечаниях в тексте книги.

Моему настоящему исследованию, представленному в этой книге и других работах, принесла значительную пользу интеллектуальная стимуляция двух моих академических «домов»: Анненбергской школы коммуникации Университета Южной Калифорнии (USC) в Лос-Анджелесе и Интернет-междисциплинарного института Открытого университета Каталонии в Барселоне. Я испытываю чувство глубокой признательности в отношении своих коллег из обоих институтов за поддержку и коллегиальность, которую они оказывали мне многие годы. Я особенно благодарен декану Джеффри Коэну, декану Эрнесту Уилсону, директору Ларри Гроссу и директору Патриции Райли (Университет Южной Калифорнии) и ректору Имме Тубелла (Открытый университет Каталонии) за удивительную личную и институ-

циональную поддержку, которую они оказывали моему исследованию с момента присоединения к Анненбергской школе коммуникации и Интернет-междисциплинарному институту. Эти академические институты используют новейшие технологии в исследовании и преподавании проблем глобального сетевого общества, и я испытываю гордость от того, что участвую в их исполненном особого значения проекте по перемещению университета в технологические и интеллектуальные условия информационной эпохи.

Я также благодарен моим коллегам и студентам Массачусетского технологического института (MIT; Программа «Наука, технология и общество», Департамент урбанистики и планирования, Медиалаборатория) за их содержательное сотрудничество во время моего периодического преподавания в качестве приглашенного профессора в одной из лидирующих научных институций в мире. Моя особая благодарность Уильяму Митчелу, Розалинде Уильямс, Дэвиду Минделу, Ларри Вейлю и Мало Хатсону.

Когда я говорю, что эта книга является коллективной работой, так оно и есть. Она получила самые щедрые интеллектуальные вклады от ряда коллег, которые читали целиком или частично различные варианты рукописи и подробно комментировали их. Я прибежал к нескольким редакторам каждой главы всякий раз, когда считал, что я достиг уровня, при котором мое исследование может обсуждаться, получая новые комментарии и предложения от моих коллег, пожелавших вступить в диалог со мной в процессе создания этой книги. В результате этих множественных интеракций с коллегами из разных академических институтов изменялась аргументация, обновлялись данные и сокращался текст. У меня не было возможности включить каждый комментарий, поскольку многие из них демонстрировали различные подходы, но каждый полученный комментарий серьезно обдумывался, и это привело к существенным изменениям в теории и анализе, представленным в книге. Конечно, неверное понимание и ошибки, возникшие в ходе этого длительного процесса переработки, лежат исключительно на мне. Итак, я хотел бы публично выразить мою глубокую благодарность Антонио Дамазио, Ханне Дамазио, Джерри Фельдману, Джорджу Лакоффу, Джонатану Аронсону, Томасу Холлиану, Питеру Монжу, Саре Бане-Вайзер, Эрнесту Уилсону, Джефффри Коулу, Джонатану Таплину, Марти Каплану, Элизабет Гаррет, Роберту Энтману, Лэнсу Беннету, Франку Вебстеру, Робину Манселу, Уильяму Даттону, Розалинде Уильямс, Имме Тубелла, Майклу Диару, Ингрид Волкмер, Джефффри Боукеру, Джону Томпсону, Роналду Райсу, Джейму Катцу, У. Расселу Нойману, Джорджу Маркусу, Джанкарло Босетти, Светлане Балмаевой, Эрику Клиненбергу, Эмме Киселевой, Говарду Тамберу, Иеши Жао, Рене Веберу, Джефффри Юрису, Джеку Линчуань Ки, Ирен Кастельс, Роберту МакЧесни и Генри Дженкинсу. Их коллегиальность показывает, что открытое сотрудничество, являющееся средневековым изобретением, возникшим в уни-

верситетской среде, актуально и сегодня, продолжаясь в качестве основной практики научного исследования.

Я также благодарен коллегам, студентам и гражданам, которые выступали с комментариями на моих публичных презентациях идей и исследований коммуникации и власти, которые, в конечном счете, и привели к созданию этой книги. Это общение на разных уровнях в период 2003–2008 гг. привело к значительному уточнению предварительной аргументации, сложившейся в моем сознании годы назад, когда я впервые был вовлечен в этот исследовательский проект. Особенно я хотел бы выразить благодарность Правлению Международной коммуникационной ассоциации (ICA), специально отметив Ингрид Волкмер и Роналда Райса, а также слушателей моей лекции на встрече ICA в Дрездене в 2006 г.; Американскую ассоциацию политической науки и слушателей моей лекции в честь Итиель де Сола Пул в 2004 г. в Чикаго; Лондонскую школу экономики и политических наук; Программу «Наука, технология и общество» в Массачусетском технологическом институте; Миланскую высшую школу менеджмента Университета Новая школа в Нью-Йорке; Культурный центр Де Бальи в Амстердаме; Испанскую академию кино и телевидения в Мадриде; Каталонский парламент в Барселоне; Институт Фернандо Энрике Кардозо в Сан-Паулу; Всемирный политический форум в Венеции; Фонд Гульбенкьяна в Лиссабоне; Школу информационных наук Университета Калифорнии, Беркли; моих коллег в Центре науки, технологии и общества в Университете Санта-Клары и моих аспирантов в Лос-Анджелесском институте гуманитарных наук.

Разработка и создание этой книги стали возможны благодаря профессионализму и преданности Мелоди Лутц, моего персонального ассистента в Анненбергской школе коммуникации, и Анны Санчес-Хуарес, моего персонального ассистента в Открытом университете Каталонии. Без их тщательной координации, планирования и исполнения этот сложный проект не смог бы успешно осуществиться. Моя сердечная благодарность им обеим.

Написание этой книги также связано с выдающейся редакторской работой. Мой ассистент Мелоди Лутц, сама профессиональная писательница, вычитывала мои рукописи при сохранении моего стиля, возникшего — к добру или нет — в результате смешения культур, которые характеризуют мою жизнь. Уверен, что ее усилия будут вознаграждены благодарностью многочисленных читателей, особенно тех студентов, которые обычно должны с усилием «продираться» сквозь страницы моих книг, чтобы выполнить свои задания.

Как и со всеми моими книгами в последнее десятилетие, окончательная связь между тобой, читатель, и мной, автором, смогла произойти благодаря моему выпускающему редактору Сью Эштон. Я благодарен за ее помощь на протяжении многих лет.

Сердечно хочется поблагодарить также моего редактора в Университетском издательстве Оксфорда Дэвида Масона, с которым я завязал бесконечную интеллектуальную беседу десять лет назад, беседу, результатом которой стал ряд проектов, включая эту книгу. Я также хочу выразить благодарность за отличную редакторскую работу Мэтью Дербиширу и Кэйт Уокер в ходе производственного процесса в издательстве.

Я испытываю чувство огромной благодарности докторам, которые помогли мне держаться на плаву на протяжении всех этих лет, возвращая меня из серьезной болезни к нормальной и продуктивной жизни. Хочу, чтобы мой опыт дал надежду людям, которые в ней нуждаются. Я в большом долгу перед доктором Питером Кэрроллом и доктором Джеймсом Дэвисом из Калифорнийского университета, Медицинского центра Сан-Франциско; перед доктором Бенетом Номдеде из клиники Университета Барселоны и доктором Джоном Бродхэдом из Медицинской школы Кек Университета Южной Калифорнии.

Последним, но определенно не по значению, хочу сказать о моей семье, продолжающей создавать ту эмоциональную атмосферу, которая делает меня человеком, и, надо сказать, счастливым человеком. Поэтому хотел бы здесь выразить мою благодарность и любовь жене Эмме Киселевой, дочери Нурии, падчерице Лене, внукам Кларе, Габриель и Саше, сестре Ирене и шурина Хосе Байло. Особая благодарность Саше Коноваловой, с которой я делил комнату в течение целого года во время завершающего периода написания книги, а она в это время писала свои работы в колледже. Она не только не мешала мне сосредоточиться, но стала проницательным комментатором и точкой отсчета в моем исследовании молодежной культуры в новой коммуникационной среде.

Итак, это еще одна книга, но для меня особенная, потому что объединила мое исследование и мое желание сделать мир лучше с помощью свободного общения людей. К сожалению, как вы увидите, если пойдете дальше этой страницы, все не так просто. Сейчас я приглашаю вас разделить мое интеллектуальное путешествие.

*Мануэль Кастельс
Санта-Моника, Калифорния, август 2008 г.*

Список рисунков

2.1.	Ключевые связи между мультинациональными медиакорпорациями и диверсифицированными интернет-корпорациями.....	96
2.2.	Холдинги, входящие в состав крупнейших диверсифицированных по родам деятельности мультинациональных конгломератов на февраль 2008 г.	100
2.3.	Глобальные расходы на рекламу по типам медиа, 2002–2007 гг.	103
2.4.	Взаимосвязи между выбранными мультинациональными медиагруппами второго эшелона и глобальным ядром.....	108
2.5.	Карта собственности «второстепенных» мультимедийных конгломератов.....	110
2.6.	Схематическое представление коммуникативного процесса, по Умберто Эко (схема в верхней части рисунка — классическая модель коммуникации; в нижней — пересмотренная модель)	153
2.7.	Процесс коммуникации в креативной аудитории.....	155
3.1.	Процесс принятия решений, по Антонио Дамазио	170
3.2.	Каскадная активация сети	189
3.3.	Поддержка войны в Ираке и оценка ее успешности, март 2003 г. — апрель 2008 г.	205
3.4.	Потери американских войск убитыми и ранеными в Ираке, январь 2006 г. — апрель 2008 г.	210
3.5.	Освещение темы войны в медиа versus вероятный интерес избирателей к военным новостям, июнь 2007 г. — апрель 2008 г.	212
3.6.	Социальное производство опосредованного медиавосприятия войны в Ираке, 2001–2008 гг.	215
4.1.	Общая сумма пожертвований, собранных кандидатами в президенты США в электоральных циклах 1976–2008 гг.	246

4.2.	Основной источник новостей об избирательной кампании в США, 1992–2007 гг.	261
4.3.	Возросшая уязвимость французских политиков в отношении к скандалам	275
5.1.	Оценка деятельности человека как значимого фактора изменений климата	347
5.2.	Количество участников Дней Земли, 1970–2007 гг.	355
5.3.	Индекс осведомленности о проблеме глобального потепления в США, 1982–2006 гг., по источникам, указанным в табл. 5.1.....	372
5.4.	Финальное голосование за PP, PSOE или за других среди поздно определившихся избирателей на выборах в испанский парламент 14 марта 2004 г. в зависимости от влияния событий 11 марта на их решение	394
5.5.	Готовность проголосовать за афроамериканского кандидата, 1958–2007 гг. (Вопрос: «Если Ваша партия номинирует высококвалифицированного кандидата-афроамериканца на пост президента, проголосуете ли Вы за него?»)	421
A4.1.	Распределение граждан, выражающих слабое доверие или отсутствие доверия своему национальному правительству, 1996–2007 гг.	496
A4.2.	Распределение граждан, выражающих слабое доверие или отсутствие доверия своим национальным законодательным учреждениям или парламенту, 1997–2007 гг.	497
A4.3.	Доля граждан, которые убеждены в коррумпированности или крайней коррумпированности национальных политических партий	498
A4.4.	Доля респондентов в 60 странах, оценивших тем или иным образом своих политических лидеров, 2007 г.	498
A4.5.	Распределение респондентов, считающих своих политических лидеров нечестными и аморальными, по регионам, 2007 г.	499
A4.6.	Доля респондентов, которые считают, что их страна обслуживает несколько больших интересов, 2008 г.	499

А4.7. Распределение респондентов из 60 стран мира по уровню выраженного ими доверия по профессиональным группам, 2007 г.	500
А4.8. Последствия несоблюдения норм вежливости, отразившиеся на доверии к правительству и политикам, 2005 г.	500
А4.9. Избиратели США, сообщившие о контактах с политической партией, 1980–2004 гг.	501

Список таблиц

2.1.	Типология культурных моделей	144
3.1.	Ошибочные представления американцев о войне в Ираке, 2003–2006 гг.	194
3.2.	Частота заблуждений на одного респондента в зависимости от источника новостей.....	202
3.3.	Телевизионные источники новостей и мнения об Ираке и Буше.....	203
4.1.	Результаты расследований коррупции во Франции на протяжении 1990-х годов	276
5.1.	Осознание проблемы глобального потепления в США, 1982–2006 гг.; число (в %) ответивших «да» на вопрос: «Слышали ли Вы что-нибудь о парниковом эффекте/глобальном потеплении?»	342
5.2.	Уровень интернет-активности среди демократов.....	408
5.3.	Оценки, формирующие мнение белых американских избирателей — сторонников демократов об их кандидатах.....	419
5.4.	Распределение интернет-пользователей по возрасту, которые смотрят политические онлайн-видео и создают контент	427
5.5.	Соотношение сторонников Обамы и Клинтон, которые являются наиболее активными потребителями политического контента онлайн	428
A2.1.	Связи руководства многонациональных медиаконгломератов и других сетей, приблизительные данные на 2008 г.	471
A2.2.	Список институциональных инвесторов с бенефициарным правом собственности в медиаконгломератах, февраль 2008 г.	477
A3.1.	Динамика поддержки войны в Ираке и оценка ее хода в контексте связанных с войной событий, 2003–2008 гг.	478
A4.1.	Некоторые политические скандалы, связанные с администрацией Буша и Республиканской партией, 2002–2007 гг.	481

A4.2. Политические скандалы во всем мире, 1988–2008 гг.	483
A4.3. Некоторые политические скандалы в странах «большой восьмерки», 1988–2008 гг.	491
A4.4. Способы политического участия в США, помимо голосования, 1980–2004 гг.	495
A4.5. Усилия по мобилизации, предпринимавшиеся политическими партиями или другими организациями, 1980–2004 гг.	495
A5.1. Доля респондентов, которые слышали о глобальном потеплении (по странам), 2006 г.	501
A5.2. Рост числа молодежи и представителей меньшинств, участвовавших в президентских праймериз демократов, 2004–2008 гг.	502
A5.3. Распределение голосов, поданных за Барака Обаму и Хиллари Клинтон в ходе в президентских праймериз 2008 г., в зависимости от социально-демографических характеристик избирателей	503
A5.4. Наиболее важные качества кандидатов, названные избирателями в ходе праймериз демократов в 2008 г.	504
A5.5. Наиболее важные темы, названные в ходе праймериз демократов в 2008 г.	504
A5.6. Политическая вовлеченность онлайн во время предвыборной гонки демократов в 2008 г.: распределение ответов по социально-демографическим группам среди исследуемых взрослых (пользователи Интернета и не пользующиеся им), которые используют Интернет, электронную почту или SMS для получения новостей о политике или для обмена своими взглядами о ходе гонки	505
A5.7. Интернет-политика: слухи и кампании, направленные против кандидатов от демократов на выборах в 2008 г., июнь 2007 г. — февраль 2008 г.	506
A5.8. Основные случаи ажиотажа и политических скандалов в ходе демократических праймериз в США в 2008 г., май—январь 2008 г.	508

Введение

Мне было 18. Мое стремление к свободе бунтовало против рамок, которыми ограничил жизнь диктатор. Мою жизнь и жизнь каждого. Я написал статью в журнал юридического факультета университета, и журнал был закрыт. Я сыграл в пьесе Камю «Калигула», и нашу театральную труппу обвинили в пропаганде гомосексуализма. Когда я включал всемирные новости Би-Би-Си, чтобы услышать нечто иное, я не мог понять ни слова из-за пронзительных радиопомех. Когда я хотел прочесть Фрейда, то должен был идти в единственную библиотеку в Барселоне, где были доступны его работы, и заполнять форму с объяснением, для чего мне это нужно. Что касается Маркса, Сартра или Бакунина, то об этом надо было забыть, за исключением случаев, когда я отправлялся на автобусе в Тулузу и прятал книги при пересечении границы, рискуя быть опознанным, если буду пойман при транспортировке подрывной пропаганды. Итак, я решил взяться за этот душливый, идиотский франкистский режим и присоединился к подпольному сопротивлению. В то время сопротивление в Университете Барселоны состояло из нескольких дюжин студентов, поскольку в результате политических репрессий старая демократическая оппозиция была истреблена, а новое поколение, рожденное после Гражданской войны, только вступало в период взросления. Тем не менее глубина нашего возмущения и обещание новой надежды давали нам силы участвовать в этой неравной битве.

И вот я, сидя в темноте кинотеатра по соседству с рабочим классом, был готов будить сознание масс, пробивая коммуникационные «огненные стены», в которых оно было замкнуто, — или я только верил в это. В руке я держал пачку листовок. Они были едва читаемы, поскольку были напечатаны на примитивном ручном печатном устройстве, с потеками от фиолетовых чернил, но это был единственный доступный нам коммуникационный медиум в стране, опутанной цензурой. (У моего дяди, полковника, была непыльная работа цензора, заключавшаяся в чтении любой желаемой книги — он сам был писателем — и, более того, в предварительном просмотре всех фильмов сексуального содержания, чтобы принять решение о том, что вырезать из копий для широкой аудитории, сохранив «запрещенное» для себя и своих коллег по церкви и армии.) Так я решил компенсировать семейное сотрудничество с силами тьмы с помощью распространения нескольких листовок бумаги среди рабочих, чтобы показать, как плохо они живут на самом деле (как будто они не знали этого), и призвать их к действию

против диктатора, постоянно имея в виду будущее свержение капитализма как источника всех зол. Идея заключалась в том, чтобы выйти из кинотеатра до окончания сеанса, оставив листовки на пустых сиденьях так, чтобы в конце показа, когда свет включится, посетители подобрали листовки — смелое послание от сил сопротивления, призванное дать им достаточно надежды, чтобы присоединиться к борьбе за демократию.

В тот вечер я посетил семь кинотеатров, держась каждый раз на значительном расстоянии от других пропагандистов во избежание слежки. Как ни наивна была подобная коммуникационная стратегия, она не была детской игрой, поскольку в случае поимки могли избить в полиции и, вероятнее всего, отправить в тюрьму, что и произошло с несколькими моими друзьями. Но, конечно, мы были безумно горды своей удачей, одновременно надеясь избежать любого рода ударов. Когда в этот день я завершил свою революционную акцию (одну из многих, пока я не закончил высылкой в Париж двумя годами позже), я, гордый собой, позвонил своей девушке, чувствуя, что слова, которые я передал, могут изменить несколько сознаний, что в конечном счете может изменить мир. В то время я многого не знал. Не то чтобы сейчас я знаю существенно больше. Но тогда не знал, что послание эффективно, только если получатель готов к нему (таких людей было немного) и если источник сообщения поддается опознанию и заслуживает доверия. А Фронт рабочих Каталонии (95% которого составляли студенты) не был серьезным брендом в отличие от коммунистов, социалистов, каталонских националистов или любой из созданных партий именно потому, что мы хотели быть другими, — мы находились в поиске идентичности как поколение после Гражданской войны.

Поэтому я сомневаюсь, что мой реальный вклад в испанскую демократию соответствовал моим ожиданиям. И тем не менее везде и во все времена социальные и политические изменения всегда происходили в результате бесчисленного множества добровольных действий, иногда бесполезно героических (мое определенно не было таковым), вплоть до того, что их героизм выходил за пределы возможной эффективности: когда капли ливня борьбы и жертв, превратившиеся в потоки, в конечном счете затопив защитные валы тирании, начали разрушать стены разобщенности между похожими захолустьями, чтобы объекты воздействия превратились в «мы, народ». В конце концов, какими бы наивными ни были мои революционные надежды, у меня была своя точка зрения. Почему режим закрывает любой возможный канал коммуникации, находящийся вне его контроля, если цензура не является основой увековечивания его власти? Почему министры образования и тогда, и сейчас хотят быть уверенны в том, что они вправе вводить учебники истории, а в некоторых странах ручаются, что боги (только подлинные) спускаются в классные комнаты? Почему студенты должны были бороться за право свободно говорить, профсоюзы — за право распространять информацию о своих кампаниях (тогда — на рекламных щитах,

сейчас — на веб-сайтах); женщины — за создание женских книжных магазинов; покоренные страны — за право общаться на своем собственном языке, советские диссиденты — за право распространять самиздательскую литературу, афроамериканцы США и народы колоний по всему миру — за разрешение читать? То, что я чувствовал тогда, и то, во что верю сейчас, можно выразить так: власть базируется на контроле за коммуникацией и информацией, будь то макровласть государства и медиакорпораций или микровласть организации любого рода. Таким образом, моя борьба за свободу коммуникации, мой примитивный, написанный фиолетовыми чернилами блог того времени, действительно, был актом неповиновения, и фашисты с их позиций были правы, пытаясь поймать нас и изолировать, перекрыв каналы, соединяющие индивидуальные сознания с коллективным сознанием. Власть больше, чем коммуникация, а коммуникация больше, чем власть. Но власть полагается на контроль за коммуникацией, тогда как контрвласть зависит от прорыва этого контроля. Но массовая коммуникация, коммуникация, которая потенциально охватывает общество в целом, формируется и управляется властными отношениями, коренясь в медиабизнесе и политике государства. Коммуникационная власть находится в сердце структуры и динамики общества.

В этом и состоит предмет изучения данной книги. Почему, как и кем конструируются и осуществляются властные отношения с помощью управления коммуникационными процессами, и как эти властные отношения могут быть преобразованы социальными акторами в целях социального изменения с помощью влияния на общественное сознание. Моя рабочая гипотеза выражается в том, что наиболее фундаментальная форма власти состоит в способности формировать человеческое сознание. Способ, которым мы чувствуем и думаем, определяет способ наших действий — как индивидуальных, так и коллективных. Да, принуждение и способность реализовать его, легитимно оно или нет, является основным источником власти. Но принуждение само по себе не может стабилизировать доминирование. Способность устанавливать согласие или, по крайней мере, внушать страх и покорность в отношении существующего порядка является неотъемлемой частью внедрения правил, которые управляют институтами и организациями общества. И эти правила во всех обществах служат доказательством властных отношений, воплощенных в этих институтах как результат процессов борьбы и компромисса между конфликтующими социальными акторами, которые мобилизуются ради своих интересов под флагом собственных ценностей. К тому же процесс институционализации норм и правил и претензия в отношении этих норм и правил со стороны акторов, которые не чувствуют себя адекватно представленными в работе системы, происходят одновременно в непрерывном движении воспроизводства общества и социальных изменений. Если фундаментальная битва за определение норм в обществе и применение этих норм в повседневной

жизни происходят вокруг формирования человеческого сознания, то коммуникация является эпицентром этой битвы. Поскольку именно через коммуникацию человеческое сознание взаимодействует с его социальным и естественным окружением. Этот процесс коммуникации происходит в соответствии со структурой, культурой, организацией и технологией коммуникации в данном обществе. Коммуникационный процесс, несомненно, опосредует способ, в соответствии с которым властные отношения конструируются и оспариваются в каждой сфере социальной деятельности, включая политическую практику.

Анализ, представленный в этой книге, относится к одной специфической социальной структуре: к сетевому обществу, социальная структура которого характеризует общество в начале XXI в., т.е. социальная структура которого построена вокруг (но не определяется с помощью) цифровых сетей коммуникации. Я считаю, что процесс формирования и осуществления властных отношений, несомненно, трансформируется в новом организационном и технологическом контексте, возникающем из подъема глобальных цифровых сетей коммуникации как фундаментальной символической системы обработки данных нашего времени. Следовательно, анализ властных отношений требует понимания специфичности форм и процессов социализирующей коммуникации, которая в сетевом обществе означает как мультимодальные массмедиа, так и интерактивные, горизонтальные сети коммуникации, возникающие вокруг Интернета и беспроводной коммуникации. Действительно, эти горизонтальные сети делают возможным подъем того, что я называю массовой самокоммуникацией, несомненно, увеличивающей автономию коммуницирующих субъектов в отношении к коммуникационным корпорациям в силу того, что пользователи становятся как отправителями, так и получателями сообщений.

Однако, чтобы объяснить, как власть конструируется в наших сознаниях с помощью коммуникационных процессов, нам нужно выйти за рамки того, как и кем создаются сообщения в процессе порождения власти и передачи (или формирования) их в электронных сетях коммуникации. Мы должны также понимать, как они создаются в сетях мозга. Это происходит в особых формах связи между сетями коммуникации и смыслом в нашем мире, а также сетями коммуникации и смыслом в наших мозгах, где механизмы порождения власти могут, в конечном счете, быть идентифицированы.

Эта исследовательская повестка — крепкий орешек. Так, несмотря на многие годы, посвященные интеллектуальному проекту, излагаемому в этой книге, я определенно не претендую на то, чтобы предложить исчерпывающие ответы на поднимаемые мной вопросы. Моя цель, достаточно амбициозная, состоит в том, чтобы предложить новый подход к пониманию власти в сетевом обществе. И в качестве необходимого шага к этой цели — определить структуру и динамику коммуникации в существующем историческом контексте. Для дальнейшего выстраивания обоснованной теории власти в сетевом обществе (которая для меня равносильна тео-

рии коммуникационной власти) я сосредоточу свои усилия на изучении текущих процессов утверждения политической власти и контрвласти, используя доступные научные исследования по этой теме и проведя ряд case studies в различных социальных и культурных контекстах. Однако мы знаем, что политическая власть является лишь одним из измерений власти, тогда как властные отношения конструируются в комплексном взаимодействии между множественными сферами социальной практики. И, таким образом, мой эмпирический анализ будет с необходимостью неполным, хотя я надеюсь стимулировать похожие аналитические концепции к изучению власти в других измерениях, таких, как культура, технология, финансы, производство и потребление.

Я признаю, что выбор политической власти в качестве основного предмета исследования был определен существованием значительной научной литературы, в которой в последние годы изучалась связь между коммуникацией и политической властью на стыке между когнитивной наукой, исследованиями коммуникации, политической психологией и политической коммуникацией. В этой книге собственные специальные знания социополитического анализа и изучения коммуникационных технологий соединены с работами ученых, исследовавших взаимодействие между мозгом индивида и политической властью с целью сформировать точку отсчета, позволяющую оценить релевантность данного междисциплинарного подхода. Я исследовал источники политических властных отношений в нашем мире, пытаясь соединить структурную динамику сетевого общества, трансформацию коммуникационной системы, взаимодействие между эмоциями, познанием и политическим поведением с изучением политики и общественных движений в разнообразных контекстах. Такой проект, лежащий в основе книги, надеюсь, позволит читателю оценить его потенциальную пользу. Я продолжаю верить, что теории — лишь наличествующие инструменты в производстве знаний, всегда обреченные на замену, либо отбрасываемые как нерелевантные, либо, что более оптимистично, свернутые в улучшенную аналитическую форму, разработанную где-то кем-то в научном сообществе для придания смысла нашему опыту социальной власти.

Для того чтобы помочь коммуникационному процессу между вами и мной, я определю структуру и последовательность этой книги, которая, с моей точки зрения, следует логике, как она была только что представлена. Книга начинается с определения того, что я понимаю под властью. Так, глава 1 является попыткой прояснить значение власти, представляя некоторые элементы теории власти. Для этого использованы некоторые классические положения социальных наук, которые я считаю релевантными и полезными для того типа вопросов, которые мне интересны. Конечно, это выборочное прочтение теорий власти, а потому ни в коем случае не должно пониматься как претензия на место в этих теоретических дебатах. Я не пишу книги о книгах. Я использую теории, любую теорию, таким же образом, как,

надеюсь, моя теория будет использоваться любым: как набор инструментов для понимания социальной реальности. Таким образом, я использую то, что нахожу полезным, и не рассматриваю то, что напрямую не связано с целью моего исследования, а именно — большинство работ по теории власти. Поэтому я не стремлюсь внести свой вклад в истребление лесов на планете путем размножения на бумаге критики работ, которые, несмотря на их интеллектуальную элегантность или политический интерес, не входят в сферу моего исследования. К тому же я помещаю свое понимание властных отношений в контекст нашего типа общества, которое понимаю как сетевое общество, относящееся к информационной эпохе так же, как индустриальное общество относилось к индустриальной. В книге нет детального анализа сетевого общества, поскольку ему посвящена целая трилогия, опубликованная несколько лет назад [Castells, 2000a; 2000c; 2004c]. Однако в первой главе я представил переработанные ключевые элементы своего видения сетевого общества, связанные с пониманием властных отношений в новом историческом контексте.

После установления концептуальных основ исследования власти я продолжаю подобную аналитическую операцию применительно к коммуникации в главе 2. И все-таки, когда дело доходит до коммуникации, я иду дальше с помощью эмпирического исследования структуры и динамики массовой коммуникации в условиях глобализации и дигитализации. Я анализирую как массмедиа, так и горизонтальные сети интерактивной коммуникации, сосредоточиваясь на их различиях и на их пересечениях. Я изучаю трансформацию аудитории медиа от объектов воздействия сообщений к отправителям/получателям сообщений и исследую отношения между этой трансформацией и процессами культурных изменений в нашем мире. Наконец, я определяю властные отношения, воплощенные в системе массовой коммуникации и в сетевой инфраструктуре, от которой зависит коммуникация, а также рассматриваю связи между бизнесом, медиа и политикой.

Выявив структурные детерминанты отношений между властью и коммуникацией в сетевом обществе, я меняю угол зрения своего анализа со структуры на организацию. Если власть действует с помощью воздействия на человеческое сознание, используя средства передачи сообщений, нам необходимо понять, как человеческое сознание обрабатывает эти сообщения, и как эти обработанные данные транслируются в политическую сферу. Это ключевой аналитический переход в настоящей книге и, возможно, единственный элемент в исследовании, который требует больших усилий со стороны читателя (как это было со мной), потому что политический анализ начинается только для того, чтобы объединить структурную детерминацию с когнитивными процессами. Я начал этот непростой большой проект не как дань моде. Я сделал это потому, что нашел большой массив литературы последнего десятилетия, где приводятся экспериментальные исследования, раскрывающие процессы репрезентации индивидуально-

го политического принятия решений сквозь призму отношений между ментальными процессами, метафорическим мышлением и политическим имиджмейкингом. Не принимая редуccionистских предпосылок некоторых из этих экспериментов, я думаю, что исследования школы эмоционального интеллекта и некоторые работы по политической коммуникации создают недостающий необходимый мост между социальной структуризацией и индивидуальной обработкой информации, касающейся властных отношений. Научные основания большинства этих исследований можно найти в новейших открытиях нейронауки и когнитивной науки, которые представлены, например, в работах Антонио Дамазио, Ханны Дамазио, Джорджа Лакоффа и Джерри Фельдмана. Таким образом, я выстраиваю свой анализ отношений между коммуникацией и политической практикой на этих теориях и на эмпирических данных, полученных в рамках политической психологии, которые могут быть лучше поняты с позиций нейронауки, как, например, в работе Дрю Уэстена [Westen, 2007].

Так как я не обладаю необходимыми профессиональными знаниями в этой сфере, то попытался представить в главе 3 анализ специфических отношений между эмоциями, познанием и политикой с помощью своих коллег. Там я связал результаты своего анализа с тем знанием, которое коммуникационные исследования дают об обусловленности политической коммуникации со стороны социальных и политических акторов, преднамеренно вмешивающихся в функционирование медиа и других коммуникационных сетей, проводя свои интересы с помощью таких механизмов, как установление повестки дня, фрейминг и прайминг новостей и других сообщений. Для иллюстрации потенциальной объяснительной ценности этого подхода и для упрощения его сложности я возобновил в этой главе эмпирический анализ процесса дезинформации американской общественности администрацией Джорджа Буша-младшего относительно войны в Ираке. Сделав это, надеюсь, что смогу обрисовать практические политические последствия произошедшего с помощью сложного аналитического подхода. Процессы — сложные, однако результаты таких процессов просты и последовательны, поскольку коммуникационные процессы вживили фрейм «войны с террором» в сознание миллионов людей, насаждая культуру страха в наших жизнях.

Таким образом, первые три главы настоящей книги неразрывно связаны, поскольку для понимания конструирования властных отношений при посредстве коммуникации в сетевом обществе необходима интеграция трех ключевых компонентов процесса, исследованных отдельно друг от друга в этих главах:

- структурные детерминанты социальной и политической власти в глобальном сетевом обществе;
- структурные детерминанты процесса массовой коммуникации в организационных, культурных и технологических условиях нашего времени;

- когнитивная обработка сигналов, предоставляемых коммуникационной системой человеческому сознанию, как связанных с политически релевантной социальной практикой.

Затем я смогу осуществить особый эмпирический анализ, в котором буду использовать, хотя и с некоторой натяжкой, концепции и результаты, представленные в первых трех главах, вместе составляющие теоретическую основу всей книги. В главе 4 объясняется и показывается, почему в сетевом обществе политика — это, по сути, медиаполитика, сфокусированная на ее лучшем образце — на политике скандалов и связывающая результаты этого анализа с глобальным кризисом политической легитимности, оспаривая тем самым значение демократии практически во всем мире. В главе 5 исследуется, как общественные движения и агенты политических изменений возникают в нашем обществе через перепрограммирование коммуникационных сетей, так что оказываются в состоянии передавать сообщения, которые внедряют новые ценности в сознание людей и вселяют надежду на политические изменения. Обе главы рассматривают специфическую роль массмедиа и горизонтальных коммуникационных сетей, а именно как медиаполитика и общественные движения используют группы сетей, как медиасети и интернет-сети взаимосвязаны. При этом мое предположение, которое будет проверено, состоит в том, что чем больше автономии представлено пользователям благодаря технологиям коммуникации, тем больше шансов, что новые ценности и новые интересы будут возникать в сфере массовой самокоммуникации, достигая таким образом общественного сознания. Соответственно, подъем массовой самокоммуникации, как я называю новые формы сетевой коммуникации, увеличивает возможности социальных изменений без какого-либо определения контента или цели таких социальных изменений. Люди, осознавая себя, являются ангелами и демонами в одно и то же время, и так наша увеличивающаяся способность влиять на общество будет просто проектом, открыто сообщающим, кем мы являемся в каждом пространственно-временном контексте.

Продолжая серией эмпирических исследований, я буду полагаться на доступные свидетельства так же, как и на собственный практический опыт изучения некоторых случаев социального, культурного и политического контекста. Большинство материалов касается США по одной простой причине: наличие значительного числа научных исследований по темам, освещаемым в книге. Однако я убежден, что предлагаемая аналитическая перспектива не зависит от контекста и может быть использована для понимания политических процессов в разных странах, включая развивающийся мир. Все это потому, что сетевое общество глобально, и существуют глобальные коммуникационные сети, а когнитивные процессы в человеческом сознании имеют общие базовые черты, несмотря на ряд различий культурного характера. В конечном счете, властные отношения являются

фундаментальными отношениями общества в истории, географии и культуре. И если властные отношения создаются в человеческом сознании через коммуникационные процессы, как я попытался продемонстрировать в настоящей книге, эти скрытые связи могут послужить хорошим исходным кодом условий человеческого существования.

Вот свет в кинотеатре включен. Помещение постепенно пустеет по мере того, как зрители переходят от изображения на экране к образам в своей жизни. Ты встаешь в очередь к выходу, какому-нибудь выходу куда-нибудь. Может, какие-то слова из фильма все еще находят отклик внутри. Такие слова, как в конце фильма Мартина Рита «Подставное лицо» (1976), особенно слова Вуди Аллена МакКартису: «Парни... я не признаю право этого комитета задавать мне такие вопросы. И более того, вы все можете идти». Затем кадры с Алленом в наручниках, идущим в тюрьму. Власть и сопротивление власти. И поцелуй девушки. В наручниках — но свободный и любимый. Водоворот образов, идей, чувств.

Стало быть, вы внезапно видите эту книгу. Она написана для вас и оставлена, чтобы вы ее нашли. Вы замечаете симпатичную обложку. Коммуникация. Власть. Возможно, вы имеете к этому некоторое отношение. Какие бы связи ни возникали у вас в сознании, это сработало, раз сейчас вы читаете эти слова. Но я не говорю вам, что делать. Этому я научился в своем длинном путешествии. Я сражался в своих битвах, не просил других сделать это за меня или со мной. Но я все еще произношу свои слова, слова, которые выучил в ходе профессиональной работы исследователем социальной науки. Слова, которые в данном случае рассказывают историю о власти. Фактически — историю власти в мире, в котором мы живем. И это мой путь, только мой реальный путь противостоять властям, — разоблачать их присутствие в работе нашего сознания.

Власть в сетевом обществе

Что такое власть?

Власть представляет собой наиболее фундаментальный процесс в обществе, поскольку общество определяется ценностями и институтами, а то, что оценивается и институционализируется, определяется властными отношениями.

Власть является реляционной (выражающей отношение, «отношенческой». — *А. Ч.*) способностью, которая позволяет социальному актору, имеющему соответствующую возможность, асимметрично влиять на решения другого(их) социального(ых) актора(ов) желательным для его воли, интересов и ценностей образом. Власть осуществляется посредством принуждения (или возможности такового) и (или) конструирования смысла на основе дискурсов, которыми социальные акторы руководствуются в своих действиях. Властные отношения формируются через доминирование, представляющее собой власть, укорененную в институтах общества. Реляционная способность власти обусловлена, но не детерминирована структурной возможностью доминирования. Институты могут участвовать во властных отношениях, опирающихся на доминирование, которое они осуществляют над своими субъектами.

Это определение достаточно широко для того, чтобы охватить большинство форм социальной власти, но требует некоторых уточнений. Понятие «*актор*» отсылает ко множеству субъектов действия (т.е. действия индивидуальные, коллективные, организаций, институтов и сетей). В конечном счете, однако, все организации, институты и сети — результат действий человеческих акторов, даже если это действие было институционализировано или вызвано процессами, происходившими в прошлом. *Реляционная способность* означает, что власть — это не атрибут, но отношение. Она не может быть оторвана от специфического отношения между субъектами власти — теми, кто имеет соответствующее право на власть, и теми, кто является объектами такого воздействия в данном контексте. *Асимметрично* означает, что, хотя влияние в отношении всегда взаимно, во властных отношениях всегда существует большая степень влияния одного из акторов на другого. Впрочем, абсолютной власти не существует, как и нулевой степени влияния подчиняющихся власти на занимающих властные позиции. Всегда существует возможность сопротивления, ставящая под сомне-

ние властное отношение. Более того, в любом властном отношении присутствует определенная степень согласия и принятия со стороны тех, кто подчиняется власти. Когда сопротивление и отторжение становятся существенно сильнее, чем согласие и принятие, властные отношения трансформируются: условия внутри отношения изменяются, обладающие властью теряют ее, и в конце концов происходит процесс институциональных или структурных изменений, зависящий от степени трансформации властных отношений. Или в противном случае властные отношения становятся несоциальными. Это происходит, если властное отношение может быть установлено только на основе структурного доминирования, подкрепленного насилием, тогда для поддержания последнего обладающие властью должны уничтожить реляционную способность оказывающего(их) сопротивление актора(ов), аннулируя тем самым само отношение. Я выдвигаю идею, что чистое принуждение с помощью силы не является социальным отношением, поскольку оно ведет к уничтожению доминируемого социального актора, что и означает исчезновение отношения с угасанием одной из его сторон. Тем не менее это социальное действие с социальным смыслом, поскольку использование силы оказывает устрашающее воздействие на выживших субъектов, подчиненных подобному доминированию, помогая восстановить властные отношения с этими субъектами. Более того, как только властное отношение вновь установлено во всем многообразии его компонентов, множество составляющих многоуровневого механизма доминирования вновь работают, делая насилие одним из факторов среди широкого набора определяющих факторов. Чем большую роль в восстановлении власти в отношении играет конструирование значения от «имени» специфических интересов и ценностей, тем менее необходимым становится обращение к насилию (легитимному или нет). Несмотря на это, институционализация ресурса насилия в государстве и его производные создают контекст доминирования, в котором культурное производство смысла может доказать свою эффективность.

Существуют дополнительность (комплементарность) и взаимная поддержка между двумя основными механизмами формирования власти, на которые указывают теории власти: насилие и дискурс. В конце концов, Мишель Фуко начинает свою книгу «Надзирать и наказывать» [Foucault, 1975] с описания пытки Дамьена, прежде чем перейти к развертыванию своего анализа конструирования дисциплинарных дискурсов, конституирующих общество, в котором «заводы, школы, военные казармы, больницы — все напоминали тюрьмы» ([Ibid., p. 264], пер. — М. К.). Эта дополнительность источников власти также может быть найдена у Макса Вебера: он определяет социальную власть как «возможность того, что один актер в рамках социального отношения будет способен осуществлять свою волю, несмотря на сопротивление, независимо от основания, на котором данная возможность покоится» [Weber, 1978, p. 53], и в конечном счете связывает

власть с политикой, а политику — с государством, т.е. с «отношением одних людей, доминирующих над другими, с отношением, поддерживаемым посредством легитимного (считающегося легитимным) насилия. Для того чтобы существовало государство, доминируемые должны подчиняться авторитету, утверждаемому властями ...решающим средством для политики является насилие» [Weber, 1946, p. 78, 121]. Но он также предостерегает нас, что существующее государство, «чей героический период не ощущается как таковой массами, может тем не менее служить решающим фактором для мощного чувства солидарности, несмотря на громадные внутренние антагонизмы» [Ibid., p. 177].

Именно поэтому процесс легитимации, ядро политической теории Юргена Хабермаса, является ключом, позволяющим государству стабилизировать осуществление своего доминирования [Habermas, 1976]. И легитимация может быть эффективной за счет разнообразия процедур, из которых конституционная демократия, личное предпочтение самого Хабермаса, является лишь одной из многих. Поскольку суть демократии заключается в совокупности процессов и процедур, ее существо не ограничивается политикой. В самом деле, если государство вторгается в публичную сферу от имени специфических интересов, превалирующих в государстве, оно вызывает кризис легитимности, потому что разоблачает себя как инструмент доминирования вместо того, чтобы быть институтом представительства. Легитимация в значительной степени опирается на согласие воле, выявляемое в процессе конструирования разделяемого смысла, например, веры в представительную демократию. Смысл конструируется в обществе в ходе процесса коммуникативного действия. Когнитивная рационализация обеспечивает основу для действий акторов. Поэтому способность гражданского общества обеспечивать содержание действий государства через публичную сферу («сеть для передачи информации и точек зрения» [Habermas, 1996, p. 360]) является тем, что гарантирует демократию и, в конечном счете, создает условия для легитимного осуществления власти: власть как представительство ценностей и интересов граждан, выраженных в ходе обсуждений в публичной сфере. Таким образом, институциональная стабильность основывается на способности четко артикулировать различные интересы и ценности в демократическом процессе через коммуникационные сети [Habermas, 1989].

Когда существует разъединение вмешательства государства и критичного гражданского общества, публичное пространство разрушается, подавляя тем самым посредствующую, промежуточную сферу между административным аппаратом и гражданами. Демократическое осуществление власти, в конечном счете, зависит от институциональной способности преобразовывать смысл, порожденный коммуникативным действием, в функциональную координацию действий, организованных в государстве в соответствии с принципами конституционного консенсуса. Следовательно,

конституционный доступ к применению силы и коммуникативные ресурсы, делающие возможным совместное производство смысла, взаимно дополняют друг друга в установлении властных отношений.

Таким образом, по моему мнению, некоторые из наиболее влиятельных теорий власти, несмотря на теоретические и идеологические расхождения между ними, разделяют общий многомерный подход к анализу конструирования власти в обществе¹: *насилие, угроза обращения к нему, дисциплинарные дискурсы, угроза введения дисциплины, институционализация властных отношений как воспроизводимого доминирования и процесс легитимации, посредством которого ценности и правила принимаются субъектами референции, — все являются взаимодействующими элементами в процессе производства и воспроизводства властных отношений в социальных практиках и организационных формах.*

Данный эклектичный взгляд на власть — полезный, будем надеяться, в качестве исследовательского инструмента за пределами его уровня абстракции — формулирует два понятия классического различения *власти над* и *власти для*, предложенного Толкоттом Парсонсом [Parsons, 1963] и развитого несколькими теоретиками, например, Герхардом Гёлером [Goehler, 2000] — различие транзитивной власти (власть над) и интранзитивной власти (власть для). Поскольку, если мы допустим, что все социальные структуры основаны на властных отношениях, укорененных в институтах и организациях [Lukes, 1974], то для социального актора следовать определенной стратегии для достижения некоторой цели, имея соответствующие права влиять на социальные процессы, с необходимостью означает вмешательство в совокупность отношений власти, которые определяют любой данный социальный процесс и условия достижения специфической цели. Полномочия социальных акторов не могут быть отделены от их полномочий, направленных против других социальных акторов, если только мы не примем наивный образ человеческого сообщества, живущего в согласии, нормативную утопию, опровергнутую историческим наблюдением [Tilly, 1990; 1993; Fernandez-Armesto, 2000]. Несмотря на то что, как писала Ханна Арендт [Arendt, 1958], власть сделать что-либо *всегда* есть власть сделать что-либо против кого-то или вопреки ценностям и интересам этого «кого-то», закрепленным в системах, которые управляют и организуют социальную жизнь. Как писал Майкл Манн во введении к своему историческому исследованию источников социальной власти, «в самом общем смысле власть представляет собой способность преследовать и достигать целей посредством влияния на свое окружение» [Mann,

¹ Анализ Антонио Грамши отношений между государством и гражданским обществом в терминах гегемонии близок к указанной формулировке, хотя и концептуализирован в иной теоретической перспективе, уходящей корнями в классовый анализ [Gramsci, 1975 (Грамши, 1991)].

1986, р. 6]. И после ссылки на различие Парсонсом дистрибутивной и коллективной власти он утверждает, что:

В большинстве социальных отношений оба аспекта власти, дистрибутивный и коллективный, эксплуататорский и функциональный, действуют одновременно и тесно связаны. В самом деле, отношение между ними носит диалектический характер. В погоне за своими целями люди вступают в кооперативные, коллективные властные отношения друг с другом. Но в процессе реализации коллективных целей устанавливается социальная организация и разделение труда... Несколько человек наверху могут держать массы внизу в повиновении, обеспечивая *институционализацию* их контроля в законах и нормах социальной группы, в которой те действуют [Mann, 1986, р. 6–7].

Таким образом, общества не являются общностями, разделяющими ценности и интересы. Они представляют собой противоречивые социальные структуры, существующие в конфликтах и переговорах между различными и часто противодействующими друг другу социальными акторами. Конфликты никогда не заканчиваются; они просто приостанавливаются с помощью временных соглашений и нестабильных контрактов, которые трансформируются в институты доминирования теми социальными акторами, кто достиг выгодной позиции в борьбе за власть, даже ценой допущения некоторой степени институционального представительства множества интересов и ценностей, которые остаются отодвинутыми на второй план. Таким образом, институты государства и — за пределами государства — институты, организации и дискурсы, которые определяют и регулируют социальную жизнь, никогда не являются выражением «общества», черного ящика многозначного полисемантического смысла, интерпретация которого зависит от перспектив социальных акторов. Они кристаллизуют властные отношения; иначе говоря, «обобщенные средства» (Парсонс), дающие акторам возможность осуществлять власть *над* другими социальными акторами с тем, чтобы иметь власть *для* осуществления своих целей.

Этот теоретический подход вряд ли является принципиально новым. Он основан на теории производства общества Алена Турена [Touraine, 1973] и на теории структуризации Энтони Гидденса [Giddens, 1984]. Акторы производят институты общества в условиях структурных позиций, которые они занимают, но обладая при этом способностью (в конечном итоге ментальной) принимать участие в самопорождаемом, намеренном, осмысленном социальном действии. Вот как структура и действие интегрированы в понимание социальной динамики без необходимости допущения или отрицания симметричных редукционизмов структурализма или субъективизма. Этот подход не только является возможной точкой конвергенции релевантных социальных теорий, но также, как представляется, находит подтверждение в данных социальных исследований [Giddens, 1979; Mann,

1986; 1992; Melucci, 1989; Dalton, Kuechler, 1990; Bobbio, 1994; Calderon, 2003; Tilly, 2005; Sassen, 2006].

Впрочем, процессы структуризации являются многоуровневыми и разнонаправленными. Они действуют в разных формах и на разных уровнях социальной практики: экономической (производство, потребление, обмен), технологической, природной, культурной, политической и военной. И они включают гендерные отношения, которые конституируют горизонтальные властные отношения, пронизывающие всю структуру. Эти многоуровневые процессы структуризации порождают специфические формы времени и пространства. Каждый из этих уровней практики и каждая пространственно-временная форма (вос)производит и (или) бросает вызов властным отношениям у истоков институтов и дискурсов. И эти отношения включают комплекс соглашений между различными уровнями практик и институтов — глобальных, национальных, локальных и индивидуальных [Sassen, 2006]. Следовательно, если структуризация множественна, то аналитическая проблема состоит в понимании специфики властных отношений на каждом из этих уровней, форм и градаций социальной практики и в их долгосрочных структурных результатах [Naugaard, 1997]. Таким образом, *власть не локализована в одной конкретной социальной сфере или институте, но распределена по всему пространству человеческого действия. Тем не менее существуют концентрированные выражения властных отношений в определенных социальных формах, которые обуславливают и определяют практику власти в обществе в целом путем усиления доминирования. Власть реляционна, доминирование институционально.* Особо значимой релевантной формой доминирования на протяжении истории было государство в его различных проявлениях [Poulantzas, 1978; Mulgan, 2007]. Но государства являются историческими образованиями [Tilly, 1974]. Следовательно, объем власти, которым они обладают, зависит от общей социальной структуры, в которой они функционируют. И это самый важный вопрос в понимании отношений между властью и государством.

Согласно классической веберовской формулировке: «в конечном итоге мы можем определить современное государство только в терминах специфических средств, присущих ему, как и любой политической ассоциации, а именно использования политической силы. *Каждое государство основано на силе*» ([Weber, 1946, p. 77]. Курсив мой. — М. К.). Поскольку государство может навязать властные отношения каждой сфере социальной практики, оно является конечным гарантом властей малой мощности, или микровластей, т.е. властей, осуществляемых вне политической сферы. Когда отношения микровласти вступают в противоречие со структурами доминирования, укорененными в государстве, то либо государство изменяется, либо доминирование восстанавливается с помощью институциональных средств. Хотя акцент здесь сделан на силе, логика доминирования также может быть укоренена в дискурсах как альтернативных (так и complemen-

тарных) форм осуществления власти. Дискурсы понимаются в фукианской традиции как комбинации знания и языка. Но между доминированием как возможностью обращения к силе и дисциплинарными дискурсами нет противоречия. Действительно, анализ доминирования, осуществленный Фуко с помощью дисциплинарных дискурсов, лежащих в основании институтов общества, относится главным образом к государственным или парагосударственным институтам: тюрьмам, армиям, психиатрическим лечебницам. Присущая государству логика также расширена до дисциплинарных миров производства (завод) или сексуальности (гетеросексуальная патриархальная семья) [Foucault, 1976; 1984a; 1984b]. Иначе говоря, дисциплинарные дискурсы подкрепляются потенциальным использованием насилия, а государственное насилие рационализируется, интернализируется и, в конечном счете, легитимируется дискурсами, которые создают/формируют человеческое действие [Clegg, 2000]. Действительно, институты и параинституты государства (например, религиозные институты, университеты, образованные элиты, в некоторой степени медиа) являются основными источниками этих дискурсов. Для того чтобы бросить вызов существующим властным отношениям, необходимо создать альтернативные дискурсы, обладающие потенциалом преодолеть дисциплинарную дискурсивную способность государства в качестве необходимого шага для нейтрализации использования им насилия. Следовательно, хотя властные отношения распределены в социальной структуре, государство в исторической перспективе остается стратегической инстанцией осуществления власти различными способами. Но само государство зависит от множества источников власти. В рамках своего теоретического анализа способности государства приобретать и осуществлять власть Джефф Малган четко обозначает три источника власти: насилие, деньги и доверие.

Три источника власти вместе поддерживают политическую власть, суверенную власть устанавливать законы, отдавать команды и удерживать вместе людей и территорию... Она концентрирует силу посредством своих армий, концентрирует ресурсы посредством казначейств и в последнее время концентрирует власть, чтобы формировать умы преимущественно через большие системы образования и коммуникации, являющиеся двойным клеем современных национальных государств... Из трех источников власти наиболее важным для суверенитета является власть над мыслями, порождающая доверие. Насилие может быть использовано только негативно; деньги могут быть использованы только в двух измерениях — выдачи и изъятия. Но знание и мышление могут трансформировать вещи, двигать горы и превращать эфемерную власть по видимости в перманентную [Mulgan, 2007, p. 27].

Однако формы существования государства и его способность воздействовать на властные отношения зависят от специфики социальной структуры, в рамках которой государство функционирует. Действительно, сами

понятия государства и общества зависят от границ, определяющих их существование в данном историческом контексте. И наш исторический контекст отмечен современными процессами глобализации и развитием сетевого общества, опирающихся на сети коммуникации, которые перерабатывают знание и мысли для создания и разрушения доверия, — решающего источника власти.

Государство и власть в глобальную эпоху

Согласно Максиму Веберу, сфера влияния любого существующего государства ограничена территориально: «На сегодняшний день мы должны сказать, что государство (в отличие от различных институтов, основанных на применении силы в прошлом) является человеческим сообществом, которое (успешно) провозглашает монополию на легитимное использование физической силы на данной территории. Заметим, что территория является одной из характеристик государства» [Weber, 1946, p. 78]. Это необязательно национальное государство, но обычно в его современном проявлении оно таковым является: «Нация — это сообщество чувства, которое будет адекватно проявлять себя как государство в государстве; следовательно, нация — это сообщество, которое, если позволяют обстоятельства, имеет обыкновение создавать государство в государстве» [Weber, 1978, p. 22]. Таким образом, нации (культурные сообщества) создают государства, и они делают это, провозглашая монополию на насилие на данной территории. Артикуляция государственной власти и политики имеет место в обществе, которое определяется как таковое государством. Это имплицитное допущение многих исследований власти, которые рассматривают властные отношения внутри территориально построенного государства или между государствами. Нация, государство и территория определяют границы общества.

Этот «методологический национализм» по праву оспаривается Ульрихом Беком, поскольку глобализация переопределила территориальные границы применения власти:

Глобализация, если обратиться к ее логическому следствию, означает, что социальные науки должны быть заново воссозданы как основанная на реальности транснациональная наука — концептуально, теоретически, методологически и организационно в одной и той же степени. Это означает тот факт, что существует необходимость переопределения и реконцептуализации базовых понятий «общества современного типа» — домохозяйства, семьи, класса, демократии, доминирования, государства, экономики, публичной сферы, политики и т.п. — в контексте методологического космополитизма, освободившись от пристрастий методологического национализма [Beck, 2005, p. 50].

Дэвид Хелд в своей новаторской статье 1991 г., продолженной серией политических и социальных исследований глобализации, показал, как классическая теория власти, сфокусированная на национальном государстве или субнациональных государственных структурах, утрачивает привычную систему координат с момента, когда ключевые компоненты социальной структуры одновременно оказываются, скорее, локальными и глобальными, чем локальными или национальными [Held, 1991; 2004; Held et al., 1999; Held, McGrew, 2007]. Юрген Хабермас [Habermas, 1998] описывает проблемы, возникающие с появлением феномена, который он называет «постнациональной констелляцией», — когда в результате процесса демократической легитимации конституция (определяющий институт) является национальной, а источники власти все в большей степени формируются в наднациональной сфере. Зигмунд Бауман [Bauman, 1999] размышляет о новом понимании политики в глобализованном мире. А Саския Сассен [Sassen, 2006] показывает трансформацию авторитета и прав, а значит, и властных отношений, через эволюцию социальной структуры в направлении «глобальных ансамблей».

Резюме: если властные отношения существуют в специфических социальных структурах, которые возникают на основе пространственно-временных образований, и данные пространственно-временные образования больше не располагаются преимущественно на национальном уровне, но являются одновременно глобальными и локальными, то границы общества меняются, как и система координат властных отношений, которые уже выходят за пределы национального [Fraser, 2007]. Это не означает, что национальное государство исчезает. Но национальные границы властных отношений являются лишь одним из параметров, которыми оперируют власть и контрвласть. В конечном счете, это затрагивает национальное государство как таковое. Даже если оно не исчезнет полностью как особая форма социальной организации, изменятся его роль, его структура и функции, оно постепенно эволюционирует в новую форму государства: сетевое государство, которое я проанализирую ниже.

Как в этом новом контексте мы можем понимать властные отношения, которые не прямо опосредованы территориальными границами, определенными государством? Теоретическая конструкция, предложенная Майклом Манном для понимания социальных источников власти и базирующаяся на его историческом исследовании, предлагает определенные аналитические наработки по данному вопросу, поскольку он концептуализирует общества как «состоящие из множества перекрещивающихся и взаимодействующих социопространственных сетей власти» [Mann, 1986, p. 1]. Следовательно, прежде чем искать территориальные границы, нам необходимо определить социопространственные сети власти (локальные, национальные, глобальные), в точках пересечения которых формируется общество. Хотя государственно-центрированный взгляд на мировое политическое

управление обеспечивает ясное представление о границах общества и, следовательно, о местах власти в контексте глобальной эпохи, используя характеристики Бека для понимания институтов, мы должны начать с сетей [Beck, 2005]. Или, в терминологии Сассен [Sassen, 2006], с форм ансамблей, ни глобальных и ни локальных, но и тех и других одновременно, определяющих особый тип властных отношений, которые и составляют основание каждого общества. В конечном счете, традиционный взгляд на общество может быть поставлен под вопрос, поскольку каждая сеть (экономическая, культурная, политическая, технологическая, военная и т.п.) обладает собственной пространственно-временной и организационной конфигурацией, так что их точки пересечения подвергаются постоянным изменениям. Общества как национальные общества становятся сегментированными и постоянно видоизменяются под воздействием динамических сетей в их исторически унаследованных социальных структурах. В терминологии Манна, «общество — это сеть социальных интеракций, на границах которой существует определенный уровень взаимного расхождения между ним и его окружающей средой. Общество — это единство внутри границ» [Mann, 1986, p. 13].

Действительно, трудно представить общество без границ. Но сети не имеют фиксированных границ; они открыты и многогранны, а их расширение или сжатие зависит от сочетаемости или конкуренции интересов и ценностей, существующих внутри каждой сети, а также интересов и ценностей, возникающих в сетях, когда они вступают в контакт друг с другом в процессе их расширения. Исторически государство (национальное или какое-либо еще) могло выполнять функции привратника сетевых взаимодействий, обеспечивая некоторую стабильность для определенной конфигурации перекрывающих друг друга сетей власти. Хотя в условиях многоуровневой глобализации государство становится просто узлом (хотя и важным) определенной сети (политической, институциональной или военной), пересекающейся с другими значимыми сетями в процессе социальной практики. Таким образом, социальная динамика, формирующаяся вокруг сетей, действует в направлении постепенного исчезновения общества как стабильной социальной формы организации. Однако более конструктивный подход к пониманию процесса исторических изменений заключается в создании концепции новой формы общества — сетевого общества, состоящего из особых конфигураций глобальных, национальных и локальных сетей в многомерном пространстве социального взаимодействия. Я выдвигаю гипотезу, что относительно стабильные конфигурации, возникающие на пересечении этих сетей, могут обозначать границы, которые позволяют переопределить новое «общество» исходя из понимания, что существующие границы высоковолатильны в силу постоянных изменений в геометрии глобальных сетей, структурирующих общественные практики и организации. Чтобы проверить эту гипотезу, мне нужно отклонить-

ся в сторону сетевой теории, после чего я должен представить специфику сетевого общества в качестве особого типа социальной структуры. Только после этого мы сможем переопределить властные отношения в условиях глобального сетевого общества.

Сети

Сеть — это совокупность взаимосвязанных узлов. Узлы могут быть по-разному значимы для сети, а особенно важные узлы называются «центрами» в некоторых вариантах сетевой теории. К тому же любой компонент сети (включая «центры») является узлом, а его функция и значение зависят от программы сети и от взаимодействия с другими узлами в сети. Значимость узлов для сети увеличивается за счет поглощения более важной информации и более эффективной ее обработки. Относительная значимость узла вытекает не из его особых качеств, но из способности вносить вклад в эффективность сети в ходе достижения ее целей, которые определяются ценностями и интересами, заложенными в сетях. Несмотря на то что все узлы необходимы для деятельности сетей, последние тем не менее допускают некоторую избыточность как защиту своего надежного функционирования. Когда узлы становятся не необходимыми для достижения целей сети, сети *склонны* перестраиваться, удаляя некоторые узлы и добавляя новые. Узлы существуют и функционируют только как компоненты сетей. Сеть является единством, но не узел.

В социальной жизни сети представляют собой коммуникативные структуры. «Коммуникационные сети — это паттерны контактов, которые создаются с помощью потока сообщений между коммуникаторами в пространстве и времени» [Monge, Contractor, 2003, p. 3]. Таким образом, сети производят потоки. Потоки представляют собой движение информации между узлами, циркулирующее по каналам связи между узлами. Сеть определяется программой, которая задает сети ее цели и правила исполнения. Эта программа состоит из кода, который включает оценку исполнения и критерии успеха или неудачи. В социальных и организационных сетях социальные акторы, отстаивая свои ценности и интересы во взаимодействии с другими социальными акторами, находятся у истоков создания и программирования сетей. Так, однажды установленные и запрограммированные сети следуют инструкциям, занесенным в их операционную систему, и оказываются способными к самоформированию в рамках параметров, предписанных им целями и методами. Для изменения результатов сети новая программа (набор ориентированных на результат совместимых кодов) должна быть инсталлирована в сеть извне.

Сети (а также совокупности интересов и ценностей, которые они облекают в конкретную форму) сотрудничают или конкурируют друг с другом. Сотрудничество основывается на способности сетей коммуницировать

между собой. Эта способность зависит от существования кодов трансляции перевода, оперативной совместимости между сетями (протоколы коммуникации) и от доступа к точкам соединения (переключатели). Конкуренция зависит от способности превзойти другие сети большей действенностью в исполнении или в способности кооперации. Конкуренция может также принять деструктивную форму при разрушении переключателей конкурирующих сетей и (или) при столкновении интерференции с их коммуникационными протоколами. Сети работают на основе бинарной логики: исключение/включение. Внутри сети расстояние между узлами стремится к нулю, если каждый узел напрямую связан с любым другим узлом. Между узлами в сети и находящимися вне сети расстояние бесконечно, пока отсутствует доступ, кроме тех случаев, когда программа сети изменялась. Когда узлы в сети объединяются в кластеры, сети следуют логике параметров «тесного мира»: узлы могут соединяться с помощью ограниченного числа шагов со всей сетью или со смежными сетями из любого узла в сети [Watts, Strogatz, 1998]. Что касается коммуникационных сетей, я хотел бы добавить условие разделения протоколов коммуникации.

Следовательно, сети являются комплексными структурами коммуникации, сконструированными вокруг набора целей, которые одновременно обеспечивают единство цели и гибкость исполнения благодаря их способности адаптироваться к операционной среде. Они запрограммированы и самонастраиваемы в одно и то же время. В социальных и организационных сетях их цели и операционные процедуры запрограммированы социальными акторами. Их структура развивается согласно способности сети к самонастраиванию в нескончаемом поиске более эффективных сетевых устройств.

Сети не являются специфическим явлением для обществ XXI в. или — в нашем случае — для человеческого сообщества [Buchanan, 2002]. Сети конституируют фундаментальный паттерн жизни. Как пишет Фритгоф Капра, «сеть — это паттерн, общий для всех видов жизни. Где бы мы ни находили жизнь, мы находим сети» [Capra, 2002, p. 9]. Исследователи социальных сетей осуществляли длительное изучение динамики социальных сетей в самом сердце социального взаимодействия и производства смысла — в социальной жизни [Burt, 1980], что привело к разработке систематизированной теории коммуникационных сетей [Monge, Contractor, 2003]. Более того, археологи и историки Античности настойчиво напоминают нам, что исторические записи свидетельствуют о проницаемости и важности сетей как главной опоры общества на протяжении тысячелетий в самых развитых античных цивилизациях в нескольких регионах планеты. Действительно, если мы перенесем понятие глобализации на географию античного мира, обусловленную доступными транспортными технологиями, то обнаружим некоторого рода сетевую глобализацию в античных обществах, зависящих от связи их основных видов деятельности с сетями, выходящими за пределы

локальности их жизнедеятельности в отношении средств к существованию, ресурсов и власти [LaBianca, 2006]. Исламская культура была исторически основана на глобальных сетях [Cooke, Lawgense, 2005]. А Джон МакНейл и Уильям МакНейл [McNeil, McNeil, 2003] продемонстрировали важнейшую роль сетей в социальной организации на протяжении истории.

Эти наблюдения реальных исторических фактов противоречат наиболее распространенному видению эволюции общества, сконцентрированному на иного типа организации — на иерархическом бюрократическом аппарате, основанном на вертикальной интеграции ресурсов и субъектов как выражении организованной власти социальной элиты, легитимированной с помощью мифологии и религии. Это в некотором роде искаженное видение, поскольку исторический и социальный анализ ориентировался преимущественно на этноцентризм и идеологию, чем на скрупулезное изучение сложности мультикультурного мира. Однако эта относительная индифферентность наших исторических представлений о важности сетей в структуре и динамике общества может быть также связана с реальной подчиненностью этих сетей логике вертикальных организаций, чья власть была вписана в институты общества и распространялась через односторонне направленные потоки управленческих команд и контролирующих указаний [Braudel, 1949; Mann, 1986; 1992; Colas, 1992; Fernandez-Armesto, 1995]. Моя гипотеза, объясняющая историческое превосходство вертикальных (иерархических) организаций над горизонтальными сетями, заключается в том, что у децентрализованной сетевой формы общественной организации существуют требующие преодоления фундаментальные материальные ограничения, обусловленные наличными технологиями. Действительно, сила сетей — в их гибкости, адаптивности и способности к самонастраиванию. Однако за определенной гранью размера, сложности и объема потоков *в условиях доэлектронной коммуникационной технологии* они оказываются менее эффективными, чем вертикально организованные командно-административные структуры [Мокуг, 1990]. Да, использующие силу ветра парусные суда сумели создать торговые сети и сети завоеваний, пересекающие моря и даже океаны. А эмиссары на лошадях или быстроногие гонцы смогли обеспечить связь между центром и периферией на обширных территориях империй. Однако временной лаг замкнутого цикла обратной связи в процессе коммуникации был таков, что логика системы вела к одностороннему потоку передачи информации и директив. В этих условиях сети были расширением сконцентрированной на вершине вертикальных организаций власти, которая формировала историю человечества: государства, религиозные институты, военные диктаторы, армии, бюрократии и их подчиненные в вопросах производства, торговли и культуры.

Способность сетей включать в процесс социальной организации новых акторов и новый контент, обладающих некоторой автономией относительно центров власти, возрастает с течением временем благодаря

технологическим изменениям и, если быть более точным, с развитием коммуникационных технологий. Определенно это был особый случай, позволивший использовать развитую энергетическую сеть, характеризующую наступление индустриальной революции [Hughes, 1983]. Железные дороги и телеграф создали первую инфраструктуру квазиглобальной сети коммуникации, обладающей возможностью самостоятельного изменения своей конфигурации, возможностью перенастройки [Beniger, 1986]. Однако индустриальное общество (как в капиталистическом, так и в государственническом варианте) было структурировано преимущественно вокруг крупных, вертикально управляемых организаций и предельно централизованных иерархических государственных институтов, в некоторых случаях превратившихся в тоталитарные системы. Это означает, что ранние, основанные на электричестве коммуникационные технологии были недостаточно мощными, чтобы обеспечить автономию всем узлам сети, поскольку эта автономия требовала разнонаправленности и обработки непрерывного потока интерактивной информации. Но это также означает, что доступность подходящей технологии является необходимым, но недостаточным условием трансформации общественной структуры. Только в условиях зрелого индустриального общества могли возникнуть автономные проекты организационного сетевого взаимодействия. Только с их появлением стало возможным использовать потенциал микроэлектронных цифровых коммуникационных технологий [Benkler, 2006].

Таким образом, сети, развивающиеся в новой технологической среде, оказались самыми эффективными организационными формами в результате трех их главных характеристик: гибкости, масштабируемости и живучести. *Гибкость* — это способность перенастраиваться в соответствии с изменяющимся окружением и сохранять свои цели даже при изменении их компонентов, обходя точки блокировки коммуникационных каналов для нахождения новых соединений. *Масштабируемость* — это способность к увеличению или уменьшению в размерах с наименьшими потерями. *Живучесть* — это способность сетей, поскольку у них нет единого центра и они могут действовать в широком диапазоне конфигураций, противостоять атакам на их узлы и коды, ибо коды сети содержатся во множестве узлов, которые могут воспроизвести предписания программы и найти новые способы для их установки. Таким образом, только материальная возможность разрушить точки соединения может уничтожить сеть.

Ядром этого технологического изменения, которое высвободило властный потенциал сетей, стала трансформация информации и коммуникационных технологий, основанных на революции в микроэлектронике, произошедшая в 1950–1960-х годах [Freeman, 1982; Perez, 1983]. Она заложила основу новой технологической парадигмы, впервые появившейся в 1970-х годах в США и быстро распространившейся по всему миру, приводя к тому, что я охарактеризовал как информационную эпоху [Castells,

2000a; 2000c; 2004c]. Уильям Митчелл [Mitchell, 2003] создал концепцию исторической трансформации логики информации и коммуникационной технологии в процессе расширения и наращивания возможностей человеческого тела и человеческого сознания: процесс, который в начале XXI в. характеризуется взрывным развитием портативных мобильных устройств, обеспечивающих вездесущую беспроводную коммуникацию и возможность бесперебойной обработки данных. Это побуждает социальные единства (индивидов или организации) взаимодействовать везде и всегда, хотя и полагаясь на поддерживающую инфраструктуру, которая управляет материальными ресурсами в распределяющей информационную власть энергетической системе [Castells et al., 2006b]. С приходом нанотехнологий и конвергенции микроэлектроники и биологических процессов и материалов границы между человеческой жизнью и жизнью машин размываются, поскольку сети расширяют возможности их взаимодействия из нашего внутреннего Я на всю сферу человеческой деятельности, выходя за границы времени и пространства. Ни Митчелл, ни я не предались написанию сценариев научно-фантастических фильмов в качестве замены анализа техносциального процесса трансформации. Но именно для целей анализа существенно подчеркивание роли технологии в процессе социальной трансформации, особенно когда мы рассматриваем центральную технологию нашего времени — коммуникационную технологию, — которая относится к сердцевине существования человеческого вида: осознанной, осмысленной коммуникации [Carra, 1996; 2002; Damasio, 2003]. Вот почему сетевое общество смогло полностью развернуться именно благодаря доступной электронной информации и коммуникационным технологиям, выйдя за исторические ограничения сетей как формы социальной организации и интеракции.

Глобальное сетевое общество²

Сетевое общество — это общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий. Я понимаю социальные структуры как организационные упорядоченности людей в сферах производства, потребления, воспроизводства, опыта и власти, выраженных в осмысленной, закодированной культурой коммуникации.

² Этот раздел — уточненный и дополненный анализ, представленный в моей книге «Восход сетевого общества» [2000c]. Я беру на себя смелость отослать читателя к этой книге для дальнейшего уточнения и эмпирического обоснования представленных здесь теоретических выводов. Дополнительные вспомогательные материалы можно найти в некоторых из моих недавних работ [Castells, 2000b; 2001; 2004b; 2005a; 2005b; 2008a; 2008b; Castells, Himanen, 2002; Castells et al., 2006b; 2007].

Цифровые сети глобальны, поскольку они, как предписано в их программах, обладают способностью самостоятельной перенастройки, выходя тем самым за территориальные и институциональные границы через телекоммуникационные компьютерные сети. Таким образом, социальная структура, инфраструктура которой основывается на цифровых сетях, обладает потенциальной возможностью стать глобальной. Однако сетевая технология и сетевая организация являются только средствами для реализации тенденций, существующих в социальной структуре. Наблюдаемый процесс глобализации берет свое начало в экономических, политических и культурных факторах, что подтверждено научным анализом этого феномена [Beck, 2000; Held, McGrew, 2000; 2007; Stiglitz, 2002]. Но, как показано в некоторых работах, силы, движущие глобализацию, могут быть приведены в действие только потому, что в их распоряжении есть возможность глобального осетевления, предоставляемая цифровыми коммуникационными технологиями и информационными системами, включая компьютеризированные, быстрые, большой протяженности передающие сети [Kiyoshi et al., 2006; Grewal, 2008]. Это фактически и есть то, что отличает современный процесс глобализации — размер, скорость и сложность — от предшествующих форм глобализации в ранние периоды истории.

Таким образом, сетевое общество — это глобальное общество. Однако это не означает, что люди везде включены в эти сети. На текущий момент большинство жителей планеты — вне их [Hammond et al., 2007]. Но каждого затрагивают процессы, происходящие в глобальных сетях, которые конституируют социальную структуру. Основная деятельность, которая формирует и контролирует человеческую жизнь в каждом уголке нашей планеты, организована на основе глобальных сетей: финансовые рынки; транснациональное производство, управление и распространение товаров и услуг; высококвалифицированный труд; наука и технологии, включая высшее образование; массмедиа; сеть Интернет с интерактивной, многоцелевой коммуникацией; культура; искусство; окружающая среда; спорт; международные институты, управляющие глобальной экономикой и межгосударственными отношениями; религия; криминальная теневая экономика; транснациональные общественные организации и социальные движения, которые отстаивают права и ценности нового, глобального гражданского общества [Held et al., 1999; Volkmer, 1999; Castells, 2000a; Jacquet et al., 2002; Stiglitz, 2002; Kaldor, 2003; Grewal, 2008; Juris, 2008]. Глобализацию предпочтительнее понимать как осетевление (объединение в общую сеть) этих решающих в социальном смысле глобальных сетей. Следовательно, исключение из этих сетей, часто в кумулятивном процессе исключения, равносильно структурной маргинализации в глобальном сетевом обществе [Held, Kaaya, 2006].

Сетевое общество избирательно распространяется по планете, функционируя в уже существующих сайтах, культурах, организациях и ин-

ститутах, которые все еще формируют большинство материальной среды жизнедеятельности людей. Социальная структура является глобальной, но большая часть человеческого опыта локальна как в территориальном, так и в культурном смысле [Bořja, Castells, 1997; Norris, 2000]. Специфические общества, определяемые наличными границами национальных государств или культурными границами исторических идентичностей их граждан, глубоко фрагментированы двойственной логикой включения и исключения из глобальных сетей, которые структурируют производство, потребление, коммуникацию и власть. Я выдвигаю гипотезу, что разделение общества на включенных и исключенных является чем-то большим, чем просто выражением отставания по времени, временным лагом, необходимым для постепенного внедрения предыдущих социальных форм в новую доминантную логическую схему. Фактически таково структурное свойство глобального сетевого общества. Это связано с тем, что возможность перенастраивания, вписанная в процесс создания сети, позволяет программам управлять каждой сетью в поиске ценных дополнений везде и их последующим включением, в то же время обходя и исключая те территории, виды деятельности и людей, которые представляют незначительную ценность или даже вовсе не обладают ею для выполнения тех задач, что предназначены для данной сети. На деле, как заметил Джефф Малган, «сети созданы не только для обмена данными, но также для создания позиции, выхода за рамки коммуникации как таковой» [Mulgan, 1991, p. 21]. Сетевое общество работает, как я уже отмечал, на основе бинарной логики включения/исключения, границы которой меняются с течением времени: при изменениях как сетевых программ, так и условий создания этих программ. Это также зависит от способностей социальных акторов действовать в соответствии с этими программами в различных ситуациях, модифицируя их согласно своим интересам. Глобальное сетевое общество — это динамическая структура, которая легко поддается воздействию социальных сил, культуры, политики и экономических стратегий. Но то, что сохраняется во всех этих случаях, — это доминирование над деятельностью и людьми, находящимися вне сетей. В этом смысле глобальное одерживает верх над локальным до тех пор, пока локальное не становится связанным с глобальным в качестве узла альтернативных глобальных сетей, созданных социальными движениями.

Таким образом, неравномерная глобализация сетевого общества является фактически высокозначимым свойством этой социальной структуры. Существование сетевого общества в качестве глобальной структуры с индустриальным, аграрным, коммунальным обществами или обществом выживания характеризует реалии всех стран, несмотря на различные доли населения и территорий по обе стороны разделительной линии, в зависимости от релевантности каждого сегмента для доминирующей логической схемы каждой сети. Это говорит о том, что разные сети обладают различ-

ными геометрией и географией включения и исключения: карта глобальной криминальной экономики не та же, что карта, демонстрирующая схему размещения интернациональных образцов высокотехнологичной промышленности.

В теоретическом плане сетевое общество должно быть проанализировано, во-первых, как глобальная архитектура самоперенастраивающихся сетей, постоянно программируемых и перепрограммируемых властями, которые присутствуют в каждом измерении; во-вторых, как результат взаимодействия между различными геометриями и географиями сетей, которые включают основные виды деятельности, иначе говоря, деятельность, формирующую жизнь и работу в обществе; и, в-третьих, как результат вторичного взаимодействия между этими доминирующими сетями с геометрией и географией разобщенных социальных формаций, оставшихся вне системы глобального осетевления.

Понимание властных отношений в нашем мире должно быть специфичным для этого конкретного общества. Обоснованное обсуждение особенностей сетевого общества требует определения параметров его главных компонентов: производства и присвоения благ, работы, коммуникации, культуры и ее способа существования как пространственно-временного образования. Только после этого я смогу, по существу, представить предварительную гипотезу о специфике властных отношений в глобальном сетевом обществе — гипотезу, которая будет ориентиром исследования, представленного в настоящей книге.

Что такое ценность в сетевом обществе?

Социальные структуры, такие, как сетевое общество, возникают в процессах производства и присвоения благ. Но что конституирует благо в сетевом обществе? Что движет систему производства? Что мотивирует тех, кто присваивает блага и контролирует общество? По этим вопросам не произошло изменений по сравнению с существовавшими ранее в истории социальными структурами: благо, или ценность, — это то, что устанавливают в качестве такового доминирующие институты общества. Таким образом, если глобальный капитализм формирует мир, а накопление капитала с помощью оценки финансовых средств на глобальных финансовых рынках является наивысшей ценностью, то это и будет ценностью в каждом случае, пока при капитализме получение прибыли и ее материализация в денежной форме может, в конечном счете, дать все остальное. Важный момент заключается в том, что в социальной структуре, возникающей в глобальных сетях, какая бы иерархия ни существовала внутри, сети регулируют всю энергетическую систему сетей, организующих/доминирующих на планете. Если, к примеру, мы говорим, что накопление капитала — это то, что двигает систему, а обращение капитала в основном происходит на гло-

бальных финансовых рынках, то глобальные финансовые рынки и будут определять цену каждой транзакции в любой стране, так как не существует экономики, не зависящей от финансовой оценки, предписываемой глобальными финансовыми рынками. Или, наоборот, мы считаем, что наивысшая ценность — военная мощь, технологическая и организационная способность военных машин структурировать власть в их сферах влияния и создавать условия для других форм ценности (например, для накопления капитала или политического доминирования), существовать под ее покровительством. Однако, если передача технологии, информации или знания определенной вооруженной организации блокирована, эта организация становится irrelevantной в мировом контексте. Следовательно, мы можем сказать, что глобальные сети информации и технологии являются доминирующими, поскольку они обуславливают военные возможности, которые, в свою очередь, обеспечивают безопасность функционирования рынка. Другая иллюстрация своеобразия процессов установления ценности: мы можем утверждать, что самый важный источник влияния в сегодняшнем мире — это трансформация человеческого сознания. Если это так, тогда ключевыми сетями оказываются медиа, поскольку именно медиа, организованные в глобальные конгломераты и их передающие сети, являются основными источниками сообщений и образов, которые оказывают влияние на сознание людей. Но если мы станем рассматривать медиа преимущественно как медиабизнес, тогда логика получения прибыли, как путем коммерциализации медиа с помощью рекламной индустрии, так и в ходе оценки его активов, станет самым важным.

Таким образом, разнообразие потенциальных источников сетевого доминирования позволяет представить сетевое общество как многомерную социальную структуру, в которой сети различного рода обладают разными логиками формирования ценностей. Определение, которое конституирует то, что является ценностью, зависит от особенностей сети и от ее программы. Любая попытка свести ценность как таковую к единому стандарту сталкивается с непреодолимыми методологическими и практическими трудностями. Так, если получение прибыли является наивысшей ценностью при капитализме, а военная власть — в конечном счете, основа государственной власти, то государство обладает значительными возможностями создавать и вводить новые правила для деятельности бизнеса (спросите русских олигархов о Путине). В то же время государственная власть, даже в недемократических контекстах, зависит по большей части от убеждений людей, их способности принимать правила или, в качестве альтернативы, от готовности оказывать сопротивление. В таком случае медиасистема и другие средства коммуникации, такие как Интернет, могут превосходить государственную власть, которая, в свою очередь, будет обуславливать правила получения прибыли и, таким образом, вытеснять деньги с позиции наивысшей ценности.

Таким образом, *ценность фактически является выражением власти*: кто бы ни обладал властью (зачастую это не те, кто входит в правительство), тот и решает, что является ценностью. В этом смысле сетевое общество отнюдь не ново. То, что действительно ново, так это глобальный охват и сетевая архитектура. Это означает, с одной стороны, что отношения доминирования между сетями очень важны. Они характеризуются постоянным гибким взаимодействием: например, между глобальными финансовыми рынками, геополитическими процессами и медиастратегиями. С другой стороны, поскольку логика создания ценностей как выражения доминирования становится глобальной, те явления, которые имеют структурные препятствия для глобального существования, находятся в неблагоприятном положении по отношению к другим, чья логика по своей сути глобальна. Это обстоятельство имеет важное практическое значение, так как лежит в основе кризиса национального государства в индустриальную эпоху (но не в качестве государства как такового, поскольку каждая социальная структура создает свою собственную форму государства). В связи с тем что национальное государство может только усиливать действенность правил на своей территории, за исключением случаев слияний или захватов, оно становится либо имперским, либо сетевым, встроенным в другие сети определения ценности. Вот почему, например, Соединенные Штаты в начале XXI в. сделали упор на понятии защиты от терроризма как доминирующей ценности для всего мира. Это был способ выстраивания основанной на военной силе сети, которая должна была утвердить свою гегемонию с помощью внедрения на место получения прибыли в качестве наивысшей ценности безопасности или менее крупных целей (таких, как права человека или окружающая среда). Однако нередко капиталистическая логика быстро вытесняет проекты по защите безопасности, что замечательно иллюстрирует прибыльный бизнес коррумпированных американских компаний в Ираке [Klein, 2007].

Капитал всегда тешил себя представлением мира без границ, о чем настойчиво напоминает нам Дэвид Харви, так что глобальные финансовые сети обладают решающим преимуществом высшей ценностной инстанции в глобальном сетевом обществе [Harvey, 1990]. Хотя человеческая мысль, по-видимому, самый быстро распространяющийся и влиятельный элемент любой социальной системы, ее существование в условиях зависимости от глобальной/локальной интерактивной коммуникационной системы, функционирующей в реальном времени, безусловно, представляет собой возникшее только сейчас, впервые в истории явление [Dutton, 1999; Benkler, 2006]. Таким образом, идеи или некий набор идей могут отстаиваться как подлинная наивысшая ценность (например, защита нашей планеты, живых существ на ней или как служение Божьему промыслу), являясь предпосылкой всего остального.

Резюме: старый вопрос индустриального общества — фактически краеугольный камень классической политической экономии — а именно: «что

такое ценность?» не имеет определенного ответа в глобальном сетевом обществе. Ценность — это то, что формируется в каждой доминирующей сети всякий раз в каждом пространстве в соответствии с иерархией, запрограммированной для сети акторами, воздействующими на сеть. Капитализм не исчез. На деле он более распространен, чем когда-либо. Но, вопреки распространенному идеологическому представлению, это не единственная игра в этом глобальном городе.

Работа, труд, класс и гендер: сетевое предпринимательство и новое социальное разделение труда

Приведенный выше анализ новой политической экономии создания ценностей в глобальных сетях проложил путь к пониманию нового разделения труда и, следовательно, работы, производительности труда и эксплуатации. Люди работают, и они всегда это делали. Фактически сегодня люди работают больше (если брать общее количество рабочих часов в данном обществе), чем когда-либо раньше, с того времени в прошлом, когда большая часть женского труда не рассматривалась в качестве социально признанного (оплачиваемого) труда. Основная проблема всегда состоит в том, как работа организуется и оплачивается. Разделение труда было и до сих пор является мерой того, что оценивается в качестве трудового вклада, а что — нет. Это оценочное суждение организует процесс производства. Оно также определяет критерии, обусловленные разницей в потреблении и социальной стратификацией, в соответствии с которыми продукция распределяется. Наиболее фундаментальное, хотя и не единственное, разделение в сетевом обществе — между самопрограммируемым трудом и общим трудом [Carnoy, 2000; Castells, 2000c; Benner, 2002]. *Самопрограммируемый труд* обладает автономной способностью фокусироваться на цели, обозначенной в качестве таковой в процессе производства, находить релевантную информацию, перерабатывать ее в знания, используя доступные ресурсы знаний, и применять их к сформулированным задачам, направленным на достижение целей данного процесса. Чем сложнее наши информационные системы, интерактивно связанные с базами данных и источниками информации через компьютерные сети, тем больше требования, предъявляемые трудом, открывают возможностей для поиска и обработки информации. Для реализации этих потребностей необходимы соответствующее образование и опыт, но не в смысле практических навыков, а в виде креативных способностей, а также стремление к самосовершенствованию как в связи с организационными и технологическими изменениями, так и в процессе получения знаний. Напротив, необходимые задачи относятся к *универсальному труду*, который, в конечном счете, выполняется машинами или

перемещается в места с низкой стоимостью производства в зависимости от динамики анализа затрат и прибыли. Подавляющая масса работающих на планете людей и большая их часть в развитых странах все еще заняты универсальным трудом. Они — это нечто, не имеющее значения, нечто одноразового использования, за исключением случаев, когда они отстаивают свое право на существование как люди и граждане с помощью коллективных действий. Но в случае создания ценностей (в финансовой сфере, в производстве, исследованиях, спорте, в сфере развлечений, военных действиях или политическом капитале) речь идет о самопрограммируемом сотруднике, который стоит любой организации, контролирующей ресурсы. Таким образом, организация процесса труда в сетевом обществе действует согласно бинарной логике, отделяющей самопрограммируемый труд от универсального. Более того, гибкость и адаптивность обоих видов труда к постоянно меняющейся среде является предпосылкой их использования в качестве труда.

Особое разделение труда обусловлено гендером. Восхождение гибкого труда напрямую связано с феминизацией оплачиваемой рабочей силы — фундаментальной тенденцией социальной структуры в последние три десятилетия [Carrou, 2000]. Патриархальная организация семьи вынудила женщину ценить гибкую организацию своей профессиональной деятельности как единственный способ совместить семью и трудовые обязанности. Вот почему в большинстве стран подавляющее большинство временных работников и работников с частичной занятостью — женщины. Более того, хотя большинство женщин заняты универсальным трудом, их образовательный уровень значительно вырос по сравнению с мужчинами, при том что их заработанная плата и условия труда не претерпели подобных изменений. Таким образом, женщины превратились в идеальных работников сетевой глобальной капиталистической экономики: с одной стороны, они могут работать эффективно и адаптироваться к изменяющимся требованиям бизнеса; с другой стороны, они получают меньшую заработную плату за такую же работу и имеют меньше шансов для продвижения, поскольку идеология и практика гендерного разделения труда подчинены патриархальным установкам. Однако реальность, используя старое слово, диалектична. Хотя массовое привлечение женщин к оплачиваемому труду, частично из-за их подчиненного положения в условиях патриархата, стало решающим фактором в распространении глобального информационного капитализма, сама трансформация условий жизни женщин как оплачиваемых работников, в конечном счете, подорвала патриархальные устои. Феминистские идеи, зародившиеся в культуре социальных движений 1970-х годов, нашли благодатную основу в опыте работающих женщин, подвергавшихся дискриминации. Еще более важно, что экономическая имущественная состоятельность, приобретенная женщинами, усилила их властные позиции в отношении мужского главенства в семье, подрывая тем самым идеологическую право-

мерность подчиненного положения женщины, основанного на уважении авторитета мужчины как кормильца семьи. Таким образом, разделение труда в условиях его новой организации носит гендерный характер, но это динамический процесс, в котором женщины, разворачивая преобладающие структурные тенденции в противоположном направлении, стимулируют бизнес ставить мужчин в такие же условия, которые ранее были участием женщин (а именно: гибкость, профессиональная незащищенность, сокращения и перенос производства в офшоры). Таким образом, скорее, чем женщины поднимутся до уровня работников-мужчин, многие мужчины опустятся до уровня большинства работающих женщин, в то время как высокопрофессиональные женщины достигнут более высокого уровня коннективности, использовавшейся в сетях профи-парней. Эти тенденции оказали глубокое влияние как на классовую структуру общества, так и на отношения между мужчинами и женщинами на работе и в семье [Castells, Subirats, 2007].

Креативность, автономия и возможность самопрограммируемого умственного труда не принесли бы достойного вознаграждения, если бы они не были в состоянии совмещаться с сетевым характером труда. Действительно, фундаментальной причиной структурной необходимости гибкости и автономии является трансформация организации производственного процесса. Эта трансформация представлена *подъемом сетевого предпринимательства*. Подобная новая организационная форма бизнеса в условиях информатизации является историческим эквивалентом так называемой фордистской организации индустриализма (как капиталистического, так и огосударственного), который представляет собой организацию, характеризующуюся большими объемами стандартизированного массового производства и вертикальным контролем трудового процесса в соответствии с нисходящей рациональной схемой его организации («научный менеджмент» и тейлоризм — методы, вызывавшие восхищение Владимира Ленина, что привело к их имитации в СССР). Хотя еще миллионы работают на схожих по типу управления предприятиях, деятельность на высших уровнях современного производственного процесса (исследования и разработки, инновации, дизайн, маркетинг, менеджмент и массовое, ориентированное на потребителя, гибкое производство) зависит от совершенно другого типа фирм и, как следствие, от иного типа производства и труда: сетевого предпринимательства. Это не эквивалент сети предпринимательства. Это сеть, состоящая из фирм или сегментов фирм и (или) из внутренней сегментации фирм. Таким образом, большие корпорации полностью децентрализованы в качестве сетей. Малый и средний бизнесы соединены в сети, что обеспечивает как критическую массу вложений их субподрядчиков, так и сохранение в то же время их основной характеристики — гибкости. Сети малого и среднего бизнеса зачастую являются вспомогательными для больших корпораций, в основном для нескольких. Большие корпорации и их вспомогательные сети

обычно формируют сети сотрудничества, которые в деловой практике называют стратегическими альянсами или партнерством.

Но эти альянсы редко оказываются постоянно действующими структурами сотрудничества. Это не процесс олигопольной картелизации. Подобные многокомпонентные сложные сети создаются под конкретные бизнес-проекты и изменяют свою конфигурацию, перенастраиваясь для каждого нового проекта в рамках осуществляемой в разных сетях кооперации. Обычная бизнес-практика в этой сетевой экономике — использование любого из альянсов, видов партнерства или сотрудничества, наилучшим образом соответствующих данному продукту, процессу, времени или месту. Подобная совместная деятельность основана на разделении капитала и труда, но прежде всего — на информации и знаниях ради выигрыша доли рынка. Таким образом, это преимущественно информационные сети, которые связывают поставщиков и потребителей через сетевую фирму. Единицей такого производственного процесса является не фирма, а бизнес-проект, запущенный через сеть, сетевое предприятие. Фирма (компания) продолжает быть юридической единицей накопления капитала. Но с тех пор как ценность фирмы стала, в конечном счете, зависеть от ее финансовой оценки на фондовом рынке, она как единица накопления капитала превратилась в узел глобальной сети финансовых потоков. Таким образом, сетевая экономика как доминирующий слой глобального финансового рынка — «мать» всех оценок. Глобальный финансовый рынок лишь частично работает в соответствии с правилами рынка. Он также формируется и развивается в зависимости от турбулентности информации различного происхождения, взаимодействуя с помощью компьютерных сетей, создающих «нервную систему» глобальной информационной капиталистической экономики [Hutton, Giddens, 2000; Obstfeld, Taylor, 2004; Zaloom, 2006].

Финансовая оценка определяет динамику экономики в краткосрочной перспективе, но для продолжительных временных интервалов все зависит от роста производительности. Вот почему источник производительности является краеугольным камнем экономического роста и, следовательно, прибыли, заработной платы, накоплений и инвестиций [Castells, 2006]. Ключевым фактором роста производительности в этой насыщенной знаниями сетевой экономике являются инновации [Lucas, 1999; Tuomi, 2002], или способность перестраивать производственные факторы иным, более эффективным способом, и (или) создавать большую ценность, добавленную в процесс производства или продукт. Инноваторы зависимы от культурной креативности, институциональной открытости к предпринимательским идеям, от автономии труда в трудовом процессе и от соответствующего типа финансирования этой инновативно развивающейся экономики.

Новая экономика нашего времени определенно капиталистическая, но это новый бренд капитализма: зависящий от инноваций как источника роста производительности; от подключенных к компьютерным сетям

глобальных финансовых рынков, на критерии оценки которых влияют информационные турбулентности; от объединения в сеть производства и менеджмента, как внешне, так и внутренне, локально и глобально, и от труда, который является гибким и адаптивным. Создатели ценностей должны быть самопрограммируемыми и способными автономно перерабатывать информацию в соответствующие знания. Универсальные работники, сведенные до роли простых исполнителей, должны быть готовы адаптироваться к потребностям сетевого предпринимательства либо в противном случае столкнутся с замещением машинами или альтернативными трудовыми ресурсами.

В этой системе, кроме постоянства эксплуатации в ее традиционном смысле, ключевой проблемой труда является сегментация между тремя категориями работников: теми, кто является источником инноваций и оценивания; теми, которые являются простыми исполнителями инструкций; и теми, кто структурно не соответствует критериям и перспективам получения прибыли в условиях глобального капитализма, или как работники (недостаточно образованные и живущие в районах без надлежащей инфраструктуры и институционального окружения для глобального производства), или как потребители (слишком бедные, чтобы стать частью рынка), либо и те, и другие. Первоочередная задача для большинства населения планеты заключается в том, чтобы избежать этого несоответствия, вступив вместо этого в значимые отношения, такие, как те, что мы можем назвать эксплуатацией, потому что эксплуатация делает значимыми эксплуатируемых. Самая большая опасность для таких людей — стать невидимыми для программ, управляющих глобальными сетями производства, распространения и оценивания.

Пространство потоков и мгновенное время

Как во всех исторических трансформациях, возникновение новой социальной структуры связано с переопределением материальных основ человеческого существования, пространства и времени, как показали Энтони Гидденс, Барбара Адам, Дэвид Харви, Скотт Лэш и Джон Урри, Уильям Митчелл, Майкл Диар, Стефен Грэхем и Марвин Саймон, Питер Холл и Кэтрин Пэйн и Симонелла Таббони [Giddens, 1984; Adam, 1990; Harvey, 1990; Lash, Urry, 1994; Mitchell, 1999; 2003; Dear, 2000; 2002; Graham, Simon, 2001; Hall, Pain, 2006; Tabboni, 2006] наряду со многими другими. Властные отношения встроены в социальную конструкцию пространства и времени, поскольку обусловлены пространственно-временными образованиями, которые характеризуют общество.

Две вновь возникшие социальные формы времени и пространства характеризуют сетевое общество, сосуществуя при этом с предшествующими формами. Это *пространство потоков и мгновенное время*. Пространство

и время связаны в природе, как и в обществе. В социальной теории пространство может быть определено как материальная основа разделенных во времени социальных практик; иначе говоря, конструирование одновременности. Развитие коммуникационных технологий может быть понято как постепенное расщепление близости и разделение времени. *Пространство потоков* относится к технологической и организационной возможности практической одновременности взаимодействий без пересечения. Это также относится к возможности асинхронного взаимодействия в выбранное время на расстоянии. Большинство доминантных функций в сетевом обществе (финансовые рынки, транснациональные производственные сети, информационные сети, сетевые формы глобального управления, глобальные социальные (общественные) движения) организованы вокруг пространства потоков. Однако пространство потоков имеет место. Оно состоит из узлов и сетей, иначе говоря, из мест, соединенных электронно управляемыми коммуникационными сетями, через которые потоки информации, обеспечивающие распределение времени действий, происходящих в таком пространстве, циркулируют и взаимодействуют. Хотя в этом пространстве мест, основанных на смежности деятельности, значение, функция и местоположение тесно взаимосвязаны, в пространстве потоков отдельные места приобретают значение и функции в зависимости от их роли относительно центральной точки в тех сетях, которым они принадлежат. Таким образом, пространство потоков не будет тем же самым для финансовой деятельности и для науки, для медиасетей и для сетей политической власти. В социальной теории пространство не может рассматриваться отдельно от социальной деятельности. Следовательно, каждое измерение сетевого общества, которое мы анализируем в этой главе, имеет пространственное представление. Поскольку практики объединены в сеть, существует также их пространство. Так как сетевые практики основаны на информационных потоках, протекающих между различными сайтами (местами) с помощью коммуникационных технологий, пространство сетевого общества возникает при взаимодействии между тремя элементами: мест локализации действий (и совершающих их людей), сетей материальной коммуникации, соединяющих эти виды деятельности, а также контента и геометрии потоков информации, в рамках которых осуществляется конкретная деятельность в соответствии с функцией и значением. Это и есть пространство потоков.

Используемое в социальном контексте время определяется как последовательность практик. Биологическое время, характеристика большей части человеческого существования (и все еще участь многих людей в мире), определяется как последовательность, запрограммированная в жизненных циклах природой. Социальное время сформировано в ходе истории с помощью того, что я называю бюрократическим формальным временем, которое является организацией времени в институтах и повседневной жизни с помощью кодов военно-идеологического аппарата, на который повлия-

ли ритмы биологического времени. В индустриальную эпоху постепенно складывается «часовое» время, порождая то, что я, следуя традиции Фуко, назвал бы дисциплинарным временем. Это измерение и организация последовательности действий с достаточной точностью для назначения заданий и упорядочивания каждого момента жизни, начиная со стандартизированной промышленной работы и подсчета промежутков времени коммерческих операций, формируют два основных принципа индустриального капитализма, который не может работать без учета времени: время — деньги, и деньги возникают во времени. В сетевом обществе акцент смещен с точностью до наоборот. Отношение ко времени определяется использованием информации и коммуникационных технологий в неослабевающей попытке упразднить время, отрицая последовательность: с одной стороны, сжимая время (как в мгновенных глобальных финансовых транзакциях или обобщенной деятельности многозадачности, вмещающей больше деятельности в данное время); с другой стороны, смешивая в случайном порядке последовательность социальных практик, включая прошлое, настоящее и будущее, подобно электронному гипертексту Web 2.0, или размывая модели жизненного цикла как на работе, так и в воспитании в семье.

В индустриальном обществе, которое было организовано вокруг идеи прогресса и развития производительных сил, *становление* структурировало *бытие*, время упорядочивало пространство. В сетевом обществе пространство потоков как бы растворяет время, нарушая последовательность событий и делая их одновременными в коммуникационных сетях, создавая, таким образом, иллюзорную структуру общества: бытие отменяет *становление*.

Конструирование пространства и времени социально дифференцировано. Множественное пространство мест, раздробленных и не связанных друг с другом, демонстрирует разнообразные темпоральности — от наиболее традиционного доминирования биологических ритмов до контроля часового времени. Избранные функции и индивиды выходят за пределы времени (подобно изменению глобальных часовых зон), в то время как обесцененные действия и подчиняющиеся люди всю жизнь проводят в рамках протекающего времени. Существуют, однако, альтернативные проекты структурирования времени и пространства, выраженные, например, в социальных движениях, которые стремятся изменить доминантные программы сетевого общества. Так, энвайронменталистское движение вместо принятия мгновенного времени как времени финансового автомата нацелено на переживание времени как большой длительности — *longue durée* (термин Фернана Броделя для обозначения долговременных, сравнимых по длительности с космогоническими процессами исторических изменений. — А. Ч.) в космологической перспективе, рассматривая наши жизни как часть эволюции человеческого вида и ощущая солидарность с будущими поколениями и с нашей космологической принадлежностью: то, что Лэш и Урри [Lash, Urri, 1994] назвали «ледниковым временем».

Сообщества по всему миру борются за сохранение значения локальности и за отстаивание пространства мест, основанных на опыте исторического существования, перед логикой пространства потоков, основанных на инструментальности, в процессе, который я анализировал как «основу общества» пространства потоков [Castells, 1999]. В действительности пространство потоков не исчезает, поскольку является пространственной формой сетевого общества, но его логика может быть трансформирована. Вместо включения значения и функции в программы сетей должна быть предоставлена материальная поддержка глобальной связи с локальным опытом, как это происходит в интернет-сообществах, возникающих из сетевого взаимодействия локальных культур [Castells, 2001].

Время и пространство переопределяются в ходе появления как новой социальной структуры, так и новой силы, борющейся против формы и программ этой социальной структуры. Время и пространство выражают властные отношения сетевого общества.

Культура в сетевом обществе

Общества являются культурными конструктами. Я понимаю культуру как совокупность ценностей и убеждений, которые информируют, руководят и мотивируют поведение людей. Так, если существует особое сетевое общество, должна существовать и культура сетевого общества, которую мы можем определить как его исторический маркер. Здесь, однако, многокомпонентность и новизна сетевого общества вновь требуют осторожности. Прежде всего потому, что сетевое общество глобально, оно создает и объединяет множество культур, связанных с историей и географией каждого уголка мира. Фактически индустриализм и культура индустриального общества не ведут к исчезновению специфических культур по всему миру. Индустриальное общество обладает множеством различных — и по-настоящему противоречивых — культурных проявлений (от США до СССР, от Японии до Соединенного Королевства). Также существовали ядра индустриализации в значительном числе сельских и традиционных обществ. Неоднородный капитализм унифицирует эту реальность исторического существования в культурном отношении. Да, рынок правит в каждом капиталистическом государстве, но при таких специфических правилах и с таким разнообразием культурных форм, что определение культуры как капиталистической приносит немного аналитической пользы, если под этим мы на самом деле не подразумеваем американскую или западную культуру, которая тогда оказывается эмпирически неправильной.

Таким же образом сетевое общество развивается во множестве культурных образцов, произведенных в каждом конкретном контексте в силу неоднородности истории. Оно материализуется в особых формах, ведущих к формированию сильно различающихся институциональных и культур-

ных систем [Castells, 2004b]. Однако существует еще и общее ядро сетевого общества, как это было и в индустриальном обществе. Но есть также дополнительный слой объединения в сетевом обществе. Он представлен глобально в реальном времени. Он глобален по своей структуре. Таким образом, он не только разворачивает логику целого мира, но и сохраняет сетевую организацию на глобальном уровне, будучи специфичным при этом для каждого общества. Это двойное движение всеобщности и обособления приводит к двум главным последствиям на культурном уровне.

С одной стороны, специфические культурные идентичности становятся общинами автономии и иногда «рвом сопротивления» для коллективов и индивидов, которые отказываются исчезать в логике доминирующих сетей [Castells, 2004c]. Быть французом оказывается так же важно, как быть гражданином или потребителем. Быть каталонцем или баском, галисийцем, ирландцем, валлийцем, шотландцем, квебекцем, курдом, шиитом или суннитом, индейцем аймара или маори становится объединяющим принципом самоидентификации в противовес доминированию, навязываемому национальными государствами. В отличие от нормативных или идеологических воззрений, которые предлагают слияние всех культур в космополитическом плавильном котле мирового гражданства, мир не плоский. Сопrotivляющиеся идентичности разворачиваются на этих ранних стадиях развития глобального сетевого общества и порождают самые драматические социальные и политические конфликты недавнего времени. Респектабельные теоретики и менее респектабельные идеологи могут предостерегать от опасности такого развития, но мы не можем игнорировать его реальность. Наблюдение должно информировать теорию, а не наоборот. Следовательно, то, что характеризует глобальное сетевое общество, — это противопоставление логики глобальной сети и утверждения множественности локальных «Я», как я попытался показать и доказать в предыдущих работах ([Castells, 2000a; 2000c; 2004c], см. также: [Tilly, 2005]).

Вместо возникновения однородной глобальной культуры в качестве магистрального общего тренда мы наблюдаем историческое культурное разнообразие: скорее, фрагментацию, чем сближение. Ключевой вопрос, который при этом возникает: способны ли эти особые культурные идентичности (созданные из унаследованных от единичных историй и переработанные в новом контексте материалов) коммуницировать друг с другом? [Touraine, 1997]. В противном случае разделение взаимозависимой, глобальной социальной структуры, в которой пока еще нет возможности говорить на общем языке ценностей и убеждений, ведет к систематическому непониманию, у истоков которого — разрушительное насилие над другим. Таким образом, протоколы коммуникации между различными культурами являются важнейшей проблемой для сетевого общества, поскольку без них не существует общества, но только доминирующие сети и сопротивляющиеся общины. Проект космополитической культуры, общей для граждан

всего мира, составляет основу демократического глобального правления и указывает на центральную культурно-институциональную проблему сетевого общества [Habermas, 1998; Beck, 2005]. К сожалению, такое видение предлагает решение, при котором отсутствует определение — иное, чем в нормативных терминах — процессов, с помощью которых эти протоколы коммуникации создаются или могут быть созданы, учитывая тот факт, что космополитическая культура, согласно эмпирическому исследованию, представлена только в очень небольшой группе населения, проживающей в Европе [Norris, 2000; Eurobarometer, 2007; 2008]. Таким образом, хотя мне лично очень хотелось бы, чтобы культура космополитизма постепенно улучшала коммуникацию между людьми и культурами, наблюдение текущих тенденций указывает иное направление развития.

Определить то, чем эти протоколы межкультурной коммуникации могут быть, — исследовательский вопрос. Его изучение в данной книге будет осуществлено на основе следующей гипотезы: *общая культура глобального сетевого общества является культурой протоколов коммуникации, позволяющей осуществлять коммуникацию между различными культурами не на основе разделяемых общих ценностей, а на основе разделения ценностей коммуникации*. Это значит, что новая культура возникает не из содержания, а из процесса, как конституционная демократическая культура базируется на процедуре, а не на существующих программах. Глобальная культура — это культура коммуникации ради продолжения коммуникации. Это незамкнутая сеть культурных смыслов, которые могут не только сосуществовать, но также взаимодействовать и изменять друг друга на основе этого обмена. Культура сетевого общества — это культура протоколов коммуникации между всеми культурами в мире, развивающаяся на основе общей веры во власть сети и синергии, возникающей при передаче информации другим и получения ее от других. Процесс материального созидания культуры сетевого общества происходит ныне, и он не закончен. Однако это не распространение капиталистического сознания через власть, осуществляемую в глобальных сетях доминирующей элитой, унаследованной от индустриального общества. Это и не идеалистическое предложение философов, мечтающих о мире абстрактных космополитичных граждан. Это процесс, с помощью которого сознательные социальные акторы различного происхождения передают свои ресурсы и убеждения другим, ожидая получения того же взамен: общий многообразный мир, свободный от древних страхов.

Сетевое государство

Власть не может быть сведена к государству. Однако понимание государства, его исторических и культурных особенностей — необходимый компонент любой теории власти. Под государством я понимаю институты управления обществом и их институциональные органы политической ре-

презентации, управления и контроля социальной жизни; таковы исполнительная, законодательная и судебная власть, государственное управление, вооруженные силы, правоохранительные органы, надзорные органы и политические партии на разных уровнях правления: национальном, региональном, локальном и международном.

Государство нацелено на поддержание суверенитета, монополию на окончательное принятие решений в отношении его субъектов в рамках данных территориальных границ. Государство определяет гражданство, следовательно, предоставление прав и провозглашение обязанностей его граждан. Оно также распространяет свою власть на иностранных граждан, находящихся под его юрисдикцией. Оно включено в отношения взаимодействия, соперничества и власти с другими государствами. В представленном выше исследовании я показал — в соответствии с данными ряда ученых и экспертов — растущее противоречие между структуризацией инструментальных отношений в глобальных сетях и сокращением властных полномочий национального государства в рамках территориальных границ. Действительно, существует кризис национального государства как суверенного образования [Appadurai, 1996; Nye, Donahue, 2000; Jacquet et al., 2002; Price, 2002; Beck, 2005; Fraser, 2007]. Однако *национальные государства, несмотря на переживаемые ими многочисленные кризисы, не исчезают, они трансформируются, адаптируясь к новым условиям*. Именно эта прагматическая трансформация реально изменяет политический ландшафт и влияет на политические решения в глобальных сетевых обществах. Эта трансформация влияет и поддерживается разнообразными проектами, конституирующими культурные/концептуальные данные, которые представляют существующие в каждом обществе различные политические и социальные интересы, работая на осуществление трансформации государства.

Национальные государства отвечают на кризисы воздействием парных процессов — глобализации инструментальности и культурной идентификации — с помощью трех основных механизмов:

1. Одни объединяются друг с другом, формируя нередко многофункциональные сети государств, и разделяют свой суверенитет, как, например, Евросоюз. Другие фокусируются на совокупности различных вопросов, например, НАФТА или МЕРКОСУР — преимущественно на торговых вопросах или на вопросах безопасности, как НАТО. Часть из них конституируется как места координации, переговоров и дебатов между государствами, интересы которых связаны с конкретными регионами мира, например, ОАГ (Организация американских государств), АС (Африканский союз), Лига арабских государств, АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии), АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество), Саммит Восточноазиатского сообщества, Шанхайская организация сотрудничества и т.д. В наиболее

сильных сетях государства делятся некоторыми атрибутами суверенитета. Государства также создают постоянные или полупостоянные неформальные сети для выработки стратегий и управления миром в соответствии с интересами участников сети. Существует неофициальная иерархия таких группировок, «пищевую цепочку» которых возглавляет «большая восьмерка» (G-8), вскоре превратившаяся в «большую двадцатку» или Группу 22-х (G-20 или G-22).

2. Государства выстроили все более концентрированную сеть международных институтов и наднациональных организаций для решения глобальных вопросов — от институтов общего назначения (например, ООН) до специализированных (ВТО, Международный валютный фонд, Всемирный банк, Международный уголовный суд и т.д.). Существуют также создаваемые ad hoc международные институты, деятельность которых направлена на конкретную совокупность вопросов (например, договоры по защите глобальной окружающей среды и реализующие их органы).
3. Национальные государства многих стран вовлечены в процесс деволюции власти региональным и локальным правительствам одновременно с открытием каналов участия в управлении негосударственных общественных организаций в надежде остановить кризис политической легитимности, связав ее с идентичностью народа.

Реальный процесс принятия политических решений происходит в сетях взаимодействия между национальными, наднациональными, международными, межнациональными, региональными и локальными институтами при одновременном втягивании в него организаций гражданского общества. В ходе этого процесса мы наблюдаем трансформацию суверенного национального государства в новую, возникающую в современном мире форму государства, которую я определил как сетевое государство [Castells, 2000a, p. 338–365]. *Возникающее сетевое государство* характеризуется разделением суверенитета и ответственности между разными государствами на разных уровнях правления, подвижностью управленческих процедур и большим разнообразием пространственно-временных отношений между правительством и гражданами по сравнению с предшествующей формой национального государства.

Система целиком развивается по такому прагматическому пути принятием текущих решений, нередко порождающих противоречивые правила и институты и делающих совокупность политических репрезентаций менее четкой и более удаленной от контроля граждан. Эффективность национального государства повышается, но кризис его легитимности нарастает, хотя политическая легитимность может быть улучшена, если локальные и глобальные институты будут играть свою роль. При этом растущая автономия локального и регионального внутри государства может вызвать проти-

востояние различных уровней государства и восстановить их друг против друга. Эта новая форма государства порождает новые проблемы, вытекающие из противостояния исторически сложившейся природы институтов, все еще связанных с их территориально замкнутыми национальными обществами, и новых функций и механизмов, берущих на себя выполнение их роли в сети.

Таким образом, сетевое государство сталкивается с *проблемой координации* в трех аспектах: организационном, техническом и политическом.

Организационный: органы, направленные на защиту основ своего существования и их привилегированных командных позиций в отношении своих обществ, не могут иметь те же структуру, систему поощрений и принципы деятельности, что и органы, основная цель которых заключается в нахождении взаимовыгодной координации совместной деятельности с другими органами.

Технический: протоколы коммуникации не работают. Введение компьютерной сети зачастую, скорее, дезорганизует деятельность участвующих в них организаций, чем объединяет их, как случилось с новой Администрацией национальной безопасности, созданной в США после объявления войны с террором. Организации вынуждены принять сетевые технологии, которые предполагают сетевой характер деятельности, но последние при этом могут подвергнуть опасности их способность сохранять контроль над бюрократическим основанием их функционирования.

Политический: координационная стратегия является не только горизонтальной (между органами), но и вертикальной, реализуемой по двум направлениям: сетевая связь со своими политическими кураторами, чреватая утратой собственной бюрократической автономии, и сетевая связь со своими сторонниками среди граждан, следствием чего является обязанность усилить собственную открытость.

Сетевое государство также сталкивается с идеологической проблемой: координация общей политики означает общий язык и совокупность разделяемых ценностей, например, против рыночного фундаментализма в регулировании рынков, или последовательное развитие политики охраны окружающей среды, или приоритет человеческих прав над государственными соображениями в политике безопасности. Неочевидно, что подобная сочетаемость реально осуществима между различными государственными структурами.

К тому же существует геополитическая проблема. Национальные государства все еще рассматривают сети управления как место для торговли, где они имеют шанс утвердить свои интересы. Вместо того чтобы сотрудничать ради глобального всеобщего блага, национальные государства продолжают руководствоваться такими традиционными политическими принципами, как: (а) максимизация интересов национального государства и (б) приоритетность личных/политических/социальных интересов по-

литических акторов в управлении каждым национальным государством. Глобальное управление рассматривается, скорее, в качестве поля возможностей для максимизации собственных интересов, чем в качестве нового контекста, в котором политические институты разделяют управление общими проектами. Фактически, чем дальше развивается процесс глобализации, тем больше противоречий (кризисы идентичности, экономические кризисы, кризисы безопасности), ведущих к возрождению национализма и попыткам восстановить главенство суверенитета, он порождает. На деле мир *объективно многомерный*, но некоторые из наиболее могущественных политических акторов на международной арене (например, Соединенные Штаты, Россия или Китай) *проявляют тенденцию действовать односторонне, ставя свои национальные интересы на первое место, не заботясь о стабильности мира в целом*. Действуя таким образом, они одновременно ставят под удар собственную безопасность, поскольку в условиях глобального, взаимосвязанного мира их односторонние действия ведут к системному хаосу (к примеру, связь между войной в Ираке, напряженностью с Ираном, усилением военных действий в Афганистане, с одной стороны, и ростом цен на нефть и глобальным экономическим спадом — с другой). Пока делятся эти геополитические противоречия, мир не может перейти от прагматической, созданной *ad hoc* в ходе переговоров сетевой формы принятия решений к системе конституционно обоснованного сетевого глобального правления.

В конечном счете, только власть глобального гражданского общества, воздействующего на общественное сознание через медиа и коммуникационные сети, могла бы преодолеть историческую инерцию национальных государств и вынудить эти национальные государства согласиться с реальной ограниченностью их власти в обмен на возрастание их легитимности и эффективности.

Власть в сетях

Ныне мною собраны необходимые аналитические элементы, чтобы задать вопрос, который определяет центральную тему всей книги: где находится власть в глобальном сетевом обществе? Для ответа на этот вопрос вначале надо выявить различия между четырьмя конкретными формами власти:

- сетевая власть;
- власть сети;
- власть в сети;
- сетесозидающая власть.

Каждая из этих форм власти задает специфический процесс реализации власти.

Сетевая власть относится к власти акторов и организаций, включенных в сети, которые конституируют ядро глобального сетевого общества в человеческих коллективах или среди индивидов, которые *не* включены в эти глобальные сети. Эта форма власти действует путем исключения/включения. Рауль Тонга и Эрнст Уилсон [Tonga, Wilson, 2007] предложили формальный анализ, который показал, что цена исключения из сетей возрастет быстрее, чем выгоды от включения в сети. Это происходит потому, что ценность пребывания в сети увеличивается экспоненциально размеру сети, что предположил в 1976 г. Роберт Меткалф в своем законе. Но в то же время обесценивание, вызванное исключением из сети, также увеличивается в геометрической прогрессии и с большей скоростью, чем возрастание ценности пребывания в сети. *Теория сетевого гейткипинга* изучает различные процессы, с помощью которых узлы включены или исключены из сети, показывая ключевую роль гейткипинга усиливать коллективную власть некоторых сетей над другими или данной сети над несвязанными социальными единствами [Barzilai-Nahon, 2008]. Социальные акторы могут укрепить свою властную позицию с помощью создания сети, аккумулирующей ценные ресурсы, а затем, используя стратегии гейткипинга, закрыть доступ тем, кто не прибавляет ценности сети или подвергает опасности интересы, которые доминируют в программах этой сети.

Власть сети можно лучше понять, используя предложенный Дэвидом Гревалом [Grewal, 2008] теоретический подход к анализу глобализации с позиций сетевого анализа. С этой точки зрения глобализация означает социальную координацию между многочисленными сетевыми акторами. Эта координация нуждается в стандартах.

Стандарты, которые позволяют демонстрировать глобальную координацию, я называю властью сети. Понятие власти сети состоит в соединении двух идей: во-первых, координирующие стандарты являются тем более ценными, чем большее количество людей их использует, и, во-вторых, эта динамика, которую я описываю как форму власти, может вести к нарастающей ликвидации альтернатив, с помощью которых в иных случаях может быть коллективно осуществлен свободный выбор... Возникающие глобальные стандарты... [обеспечивают] решение проблем глобальной координации среди различных участников, но это верно, если одно решение превосходит другие и является угрозой исчезновения альтернативных решений этой проблемы [Ibid., p. 5].

Следовательно, стандарты, или, в моей терминологии, протоколы коммуникации, определяют правила, которые однажды приняты в сети. В данном случае власть осуществляется не путем исключения из сетей, но установлением правил включения. Конечно, в зависимости от уровня открытости сети эти правила могут быть предметом переговоров между ее составляющими. Но когда правила установлены, они становятся принуди-

тельными для всех узлов в этой сети, ибо соблюдение этих правил является тем, что делает возможным существование сети как коммуникативной структуры. Власть сети является властью стандартов самой сети над ее компонентами, хотя эта власть, в конечном счете, благоприятствует интересам особой совокупности социальных акторов, стоящих у истока формирования сети и установления стандартов (протоколов коммуникации). Понятие так называемого «Вашингтонского консенсуса» как операционного принципа глобальной рыночной экономики иллюстрирует значение власти сети.

Но кто обладает властью в доминантных сетях? Как действует *власть в сети*? Как я предположил выше, власть является реляционной возможностью навязать волю одного актора другому актору, пользуясь структурной возможностью доминирования, встроенной в институты общества. Следуя этому определению, ответ на вопрос, кто является «держателем» власти сети в сетевом обществе, может быть либо очень простым, либо вообще невозможным.

Ответ прост, если мы отвечаем на вопрос, анализируя работу каждой особой доминантной сети. Каждая сеть определяет свои властные отношения в зависимости от ее запрограммированных целей. Так, в условиях глобального капитализма последнее слово принадлежит глобальному финансовому рынку, а МВФ или рейтинговые финансовые агентства (например, Moody's или Standart and Poor's) являются авторитетными переводчиками для простых смертных. Это слово обычно произносится от имени Казначейства США, Федеральной резервной системы или Уолл-стрита с немецким, французским, японским, китайским акцентом или с акцентом Оксбриджа в зависимости от времени и места. В любом случае власти США имеют в виду военную власть государства, или, говоря более аналитически, власть любого аппарата, способного использовать технологические инновации и знания для достижения военной мощи, которая обеспечивает материальные ресурсы для масштабных инвестиций в военный потенциал страны.

Однако вопрос может превратиться в исследовательский тупик, если мы попытаемся найти простой ответ и определить источник власти в виде некоего единства. Военная власть не может предотвратить катастрофический финансовый кризис; фактически при определенных условиях — иррациональной защитной паранойи и дестабилизации ситуации в нефтедобывающих странах — она может его спровоцировать. Либо глобальные финансовые рынки могут перейти в автоматическое управление (an Automation — новое название OLE Автоматизации, обозначающей механизм, который позволяет одним приложениям управлять и настраивать объекты других приложений. — А. Ч.), оказавшись вне контроля любого значимого регулирующего института в силу размера, объема и сложности потоков капитала, циркулирующего в этих сетях, а также зависимости критериев оценки от непредсказуемых информационных турбулентностей. Считается, что по-

литическое принятие решений зависит от медиа, но последние создают множественную основу, так или иначе искаженную в идеологическом или политическом отношении, а сам процесс медиаполитики весьма сложен (см. гл. 4 наст. изд.). Что касается капиталистического класса, он действительно обладает некоторой властью, но не властью над каждым и всеми, он в значительной степени зависим как от собственной динамики глобальных рынков, так и от решений правительств по вопросам регулирования и управления. Наконец, сами правительства связаны в сложные сети несовершенного глобального правления, обусловленные давлением бизнеса или групп интересов, обязанные вести переговоры с медиа, которые транслируют действия правительства гражданам, и периодически атакуются выражающими несогласие общественными движениями, которые неохотно идут на попятную [Nye, Donahue, 2000; Price, 2002; Juris, 2008]. Да, в некоторых случаях, таких как США после 11 сентября, или когда речь идет о сферах влияния России, Китая, Ирана или Израиля, правительства могут быть вовлечены в односторонние действия, которые создают хаос на международной арене. Но они поступают так на свой страх и риск (а мы становимся косвенными жертвами наносимого ущерба). Таким образом, односторонние геополитические действия дают дорогу реальностям нашего глобально взаимозависимого мира. Подытоживая, скажу: государства, даже наиболее могущественные из них, обладают некоторой властью (в основном деструктивной), но не Властью с большой буквы.

Итак, возможно, вопрос о власти в его традиционной формулировке не имеет смысла в сетевом обществе. Однако новые формы доминирования и детерминации оказываются наиболее важными в формировании жизни людей независимо от их желания. Таким образом, властные отношения существуют и действуют, хотя и в новых формах и с новыми типами акторов. И наиболее важные формы власти следуют логике *сетесозидающей власти*. Позвольте мне уточнить.

В мире сетей возможность осуществлять контроль над другими определяют два основных механизма: *способность создавать сеть (сети) и программировать/перепрограммировать работу сети (сетей) для достижения поставленных перед сетью целей и способность соединять и обеспечивать взаимодействие различных сетей на основе разделяемых общих целей и объединения ресурсов, предотвращая при этом соперничество с другими сетями с помощью формирования стратегического взаимодействия*.

Обладателей первой властной позиции я называю *программистами*, обладателей второй позиции — *переключателями*. Важно отметить, что эти программисты и переключатели являются конкретными социальными акторами, но необязательно идентифицируются с какой-то определенной группой или индивидом. В большинстве случаев эти механизмы действуют на стыке между различными социальными акторами, определяемыми в соответствии с их позицией в социальной и организационной структурах

общества. Таким образом, я утверждаю, что во многих случаях *обладатели власти сами являются сетями*. Не абстрактными, лишенными сознания сетями, не автоматами: это люди, объединяющиеся вокруг своих проектов и интересов. При этом они не являются единичными акторами (индивидом, группой, классом, религиозным или политическим лидером), — пока исполнение власти в сетевом обществе требует сложного набора совместной деятельности, выходящей за рамки союзов, — но становящейся новой формой субъекта, близкой к тому, что Бруно Латур [Latour, 2005] прекрасно определил как «актор-сеть».

Давайте рассмотрим работу этих двух механизмов создания власти в сетях: программирование и переключение. Возможность *программирования* целей сети (как и возможность их перепрограммирования) является, безусловно, решающей, поскольку однажды запрограммированная сеть будет работать эффективно и перенастраивать свою структуру и узлы, исходя из заданных для достижения целей. Как именно разные акторы программируют сети — специфический для каждой сети процесс. Это не тот же самый процесс для глобальных финансов и военной власти, для научного исследования, организованной преступности или профессионального спорта. Следовательно, властные отношения на сетевом уровне должны определяться и пониматься в соответствии со спецификой конкретной сети. Однако все сети обладают общими чертами: *идеями, концепциями, проектами и фреймами, генерирующими программы*. Все это — продукты культуры. В сетевом обществе культура в наибольшей степени вовлечена в процессы коммуникации, особенно в электронный гипертекст глобальных сетей мультимедийного бизнеса и его ядра — Интернета. При этом идеи могут происходить из различных источников и соединяться со специфическими интересами и субкультурами (например, неоклассическая экономика, религии, культурные идентичности, уважение личной свободы и т.п.). Характерно, что идеи циркулируют в обществе в соответствии с тем, как они представлены в реалиях коммуникации. И, в конечном счете, идеи достигают заинтересованных групп в каждой сети в зависимости от уровня их воздействия на эти группы в процессе коммуникации. Таким образом, контроль над сетями или влияние на сети коммуникации, как и возможность создавать эффективный процесс коммуникации и убеждения, по ходу дела поддерживая проекты потенциальных программистов, являются ключевыми активами в возможности программировать каждую сеть. Другими словами, процесс коммуникации в обществе, как и организации и сети, которые приводят в действие этот процесс коммуникации, являются теми базовыми сферами, где осуществляется программирование проектов и формируются заинтересованные в этих проектах группы. Они представляют собой поля власти в сетевом обществе.

Существует и второй источник власти: *контроль точек соединения между различными стратегическими сетями*. Обладателей этих позиций я назы-

ваю *переключателями*. Примерами таких точек являются соединения между сетями политического лидерства, медиасетями, научными и технологическими сетями, военными сетями и сетями безопасности для отстаивания геополитической стратегии. Или соединения между политическими сетями и медиасетями для производства и распространения специфических политико-идеологических дискурсов. Или связь между религиозными и политическими сетями для продвижения религиозной повестки в светском обществе. Или между академическими и бизнес-сетями для обеспечения последних знаниями и легитимностью в обмен на ресурсы для университетов и места работы для их продукции — выпускников. Это не сеть старых университетских друзей. Это специфические системы взаимодействия интерфейсов, которые возникают на относительно стабильной основе в качестве способа артикуляции целей действующей операционной системы общества за пределами формальной самопрезентации институтов и организаций.

При этом я не возрождаю идею властвующей элиты. Таковой не существует. Это упрощенный образ власти в обществе, аналитическая ценность которого ограничена некоторыми предельными случаями. Это как раз и означает, что не существует унифицированной властной элиты, способной удерживать под контролем программирование и переключение операций во всех важных сетях, для чего должны быть установлены не настолько очевидные, сложные и согласованные системы усиления власти. Для утверждения такого рода властных отношений программы доминирующих сетей общества и рассматриваемых сетей нуждаются в установлении не противоречащих друг другу целей между ними (например, доминирование рынка и социальная стабильность; военная власть и финансовые ограничения; политическая репрезентация и воспроизводство капитализма; свобода выражения мнения и культурный контроль). И они должны быть в состоянии коммуницировать друг с другом на основе процессов переключения, внедряющих синергию и ограничивающих противоречия, которые запустили акторы-сети. Вот почему так важно, чтобы медиамагнаты не становились политическими лидерами, как произошло с Сильвио Берлускони. Либо подобные правительства не должны обладать тотальным контролем над медиа. Чем более жестко переключатели выражают единственную цель — доминирование, тем с большей силой властные отношения в сетевом обществе подавляют динамизм и инициативу его многообразных источников социальной структуризации и социальных изменений. Переключатели — не люди, но они состоят из людей. Это акторы, создаваемые из сетевых акторов, вовлеченных в динамические интерфейсы, которые особым образом действуют в каждом случае вхождения в связь. *Программисты и переключатели* — это те акторы и акторы-сети, которые в силу их позиции в социальной структуре обладают *сетесозидающей властью*, наивысшей формой власти в сетевом обществе.

Власть и контрвласть в сетевом обществе

Процессы созидания власти в сетевом обществе должны рассматриваться, с одной стороны, как процессы, могущие усиливать существующее доминирование или захватывать и удерживать доминирующие структурные позиции; с другой стороны, как существующие наряду с этими уравновешивающие процессы, противодействующие установленному доминированию во имя интересов, оценок и проектов, которые исключены или недостаточно представлены в программах и структуре сетей. Теоретически оба процесса, в конечном счете, изменяют структуры власти в ходе их взаимодействия. Они различны, но действуют тем не менее по одной и той же самой логике. Это значит, что сопротивление власти осуществляется через те же два механизма, которые и конституируют власть в сетевом обществе: программы сетей и переключатели между сетями. А целью различных форм коллективного действия в рамках социальных движений является, таким образом, введение новых команд и новых кодов в сетевые программы. Так, новые предписания глобальным финансовым сетям означают, что долги некоторым странам, население которых живет в условиях крайней бедности, должны быть списаны, что требовало — и эти требования были частично удовлетворены — движение Jubilee (прощение и отпущение грехов. — *А. Ч.*). Другим примером новых кодов для глобальных финансовых сетей является проект оценки активов компании, включающий, помимо материальных, учет и этических оснований их деятельности в отношении окружающей среды и уважения прав человека в надежде, что, в конечном счете, это окажет влияние на установки инвесторов и акционеров в отношении компаний, считающихся хорошими или плохими гражданами планеты. Это означает переключение кода экономических расчетов с потенциала экономического роста на сбалансированный социально ответственный ресурсосберегающий, экологически рациональный потенциал роста. Более радикальное репрограммирование связано с деятельностью движений сопротивления, направленных на изменение фундаментального принципа сети, — или ядра программного кода, если мне позволено провести параллели с языком программного обеспечения. Например, если Божественная воля должна торжествовать при всех условиях (как утверждают христианские фундаменталисты), институциональные сети, которые конституируют юридическую и судебную системы, должны быть репрограммированы не в соответствии с политической конституцией, юридическими предписаниями или правительственными решениями (например, разрешение женщинам принимать решения в отношении их тел и беременностей), но для того, чтобы подчинить их Божественной интерпретации его земными епископами. В другом примере, где движение за глобальную справедливость требует переподписания торговых соглашений, заключенных под управлением Всемирной торговой организации, для включения в них

положений об охране окружающей среды, социальных правах и уважении национальных меньшинств, оно действует с целью изменения программ, согласно которым работают сети глобального управления.

Второй механизм сопротивления состоит в блокировании переключателей соединения между сетями, что позволяет контролировать сети с помощью метапрограммы ценностей, которые выражают структурное доминирование, — например, путем подачи судебных исков или влиянием на конгресс США с оспариванием правил Федеральной комиссии по связи США, допускающих значительную концентрацию собственности, чтобы ликвидировать связь между олигополиями медиабизнеса и правительством. Другие формы сопротивления включают блокирование сетевого взаимодействия между корпоративным бизнесом и политической системой путем жесткого регулирования финансирования избирательной кампании или с помощью освещения несовместимости положения вице-президента с получением доходов от его бывшей компании, что означает извлечение прибыли из военных контрактов. Или противодействие интеллектуальному сервиллизму в отношении власти, когда академики используют свой авторитет в пропагандистских целях. Более радикальная дестабилизация переключателей влияет на материальную инфраструктуру сетевого общества: физические и психологические атаки на воздушные суда, на компьютерные сети и на информационные системы, на сети объектов, от которых зависит жизнеобеспечение общества в сложной, взаимозависимой системе, характеризующей наш информационный мир. Вызов терроризма определенно основан на его способности выявлять стратегические материальные переключатели, чтобы их разрушение или угроза этого дезорганизовывало повседневную жизнь людей или заставляло их жить в условиях опасности, обеспечивая, таким образом, рост других сетей власти, сетей безопасности, охватывающих каждую сферу жизни. Таков, по сути, симбиоз между разрушением стратегических переключателей с помощью акций сопротивления и перенастройкой сетей власти для нового набора переключателей, организованных вокруг сетей безопасности.

Сопротивление власти, запрограммированное в этих сетях, также происходит через и с помощью сетей. Существуют также информационные сети, управляющие информацией и коммуникационными технологиями [Arguilla, Rondfeldt, 2001]. Неверно обозначенное как «антиглобалистическое» движение представляет собой глобально-локальную сеть, организованную и обсуждаемую в Интернете, конструктивно подключенную к медиасети (см. гл. 5 наст. изд.). «Аль-Каида» и связанные с ней организации являются сетью со множеством узлов, незначительно координируемой из центра, а также прямо направленной на их подключение к медиасетям, через которые они надеются посеять страх среди противников и вселить надежду в угнетенные массы сторонников [Gunaratna, 2002; Seib, 2008]. Движение в защиту окружающей среды представляет собой локально укорененную, глобально свя-

занную сеть, которая направлена на изменение общественного сознания как средства влияния на принятие политических решений в интересах сохранения планеты или любого ближайшего соседства (см. гл. 5 наст. изд.).

Центральная характеристика сетевого общества такова, что и динамика доминирования и сопротивление доминированию основываются на сетевой конструкции и сетевых стратегиях нападения и защиты. Несомненно, это отсылает нас к историческому опыту предыдущих типов общества, таких как индустриальное общество. Фабрика и крупная, вертикально организованная индустриальная корпорация были материальным базисом для развития и корпоративного капитала и рабочего движения. Похожим образом сегодня борются за лучший мир все компоненты глобального сетевого общества: компьютерные сети глобальных финансовых рынков, транснациональные системы производства, «умные» вооруженные силы, оснащенные глобальными поисковыми системами, террористические сети сопротивления, глобальное гражданское общество и сетевые общественные движения. Конфликты нашего времени являются борьбой связанных в сеть социальных акторов, стремящихся привлечь потенциально заинтересованные группы и целевые аудитории с помощью решающего подключения к мультимедийным коммуникационным сетям.

В сетевом обществе власть переопределена, но не исчезла, как и социальная борьба. Доминирование и сопротивление доминированию меняют свой характер в соответствии со спецификой социальной структуры, из которой они возникают и которую изменяют в ходе своей деятельности. Власть управляет, контрвласть борется. Сети производят свои противоречивые программы, а люди при этом пытаются придать смысл источникам своих страхов и надежд.

Заключение.

Понимание властных отношений в глобальном сетевом обществе

Источники социальной власти в нашем мире — насилие и дискурс, принуждение и убеждение, политическое доминирование и культурное фреймирование — не претерпели, как показали некоторые из ведущих исследователей власти, фундаментальных изменений в ходе последнего исторического опыта человечества. Но область воздействия отношений власти изменилась в двух направлениях: она преимущественно конструируется вокруг мест соединения между глобальным и локальным и организуется преимущественно вокруг сетей, а не отдельных единств. Поскольку сети многочисленны, властные отношения будут специфичны для каждой сети. Но существует фундаментальная форма осуществления власти, которая является общей для всех сетей: исключение из сети. Это также характерно для

каждой сети: человек, или группа, или территория могут быть исключены из одной сети, но включены при этом в другие. Однако, поскольку ключевые стратегические сети являются глобальными, существует одна форма исключения — следовательно, власти, — которая является всеобщей в мире сетей: включить все ценное в глобальное, исключив при этом обесцененное локальное. Существуют граждане мира, живущие в пространстве потоков, противостоящие живущим в пространстве мест. Поскольку пространство в сетевом обществе формируется на основе противопоставления пространства потоков (глобальное) и пространства мест (локальное), пространственная структура этого общества является главным источником структурирования властных отношений.

То же самое касается и времени. Мгновенное время, время в сетевом обществе не имеет ни прошлого, ни будущего. Ни даже краткого мига прошедшего. Это, следовательно, отмена последовательности времени с помощью или компрессии, или размывания порядка следования событий. Таким образом, властные отношения строятся вокруг противопоставления мгновенного времени и всех других форм существования времени. Мгновенное время, которое является временем мгновенного «сейчас» при отсутствии последовательности или цикла, является временем высокоэффективных акторов, — тех, кто насыщает свое время до предела, поскольку их деятельность очень ценна. И время сжимается до наносекунд для тех, у кого время — деньги. Время истории и исторических идентичностей «выгорает» в мире, где только немедленное удовлетворение имеет значение и где конец истории провозглашается бардами, воспевающими победителей. Но часовое время тейлоризма все еще является участью подавляющего большинства работников, а время *большой длительности* (*longue durée*) тех, кто предвидит, что может случиться с планетой, является временем альтернативных проектов, которые отказываются подчиняться доминированию ускоренных циклов инструментального времени. Весьма интересно, что существует также мифическое «будущее время» высокоэффективных, которое является проективным временем футурологов корпоративного мира. Фактически это абсолютная форма покоряющего времени. Это колонизация будущего с помощью экстраполяции доминирующих ценностей настоящего в предсказаниях: как сделать то же самое с увеличенной прибылью и властью 20 лет спустя. Способность проектировать чье-то собственное текущее время, отрицая прошлое и будущее для человечества в целом, является другой формой установления мгновенного вневременного времени как формы подтверждения власти в сетевом обществе.

Но как власть осуществляется внутри сетей и с помощью сетей над теми, кто включен в ядро сетей, структурирующих общество? Я рассмотрю прежде всего современные формы осуществления власти с помощью монополии на насилие, а затем через конструирование значений в дисциплинарных дискурсах.

Во-первых, поскольку сети являются глобальными, государство, которое является усилителем власти через монополию на насилие, сталкивается со значительными ограничениями своей возможности принуждать, если оно вовлекается в создание сетей с другими государствами, и с обладателями власти в решающих сетях, которые формируют социальные практики на своих территориях наряду с развертыванием в глобальной сфере. Следовательно, способность соединять разные сети и устанавливать некоторого рода границы, внутри которых государство сохраняет возможность вмешательства, становится главнейшей для воспроизводства доминирования, институционализированного в государстве. Но возможность устанавливать связь необязательно находится в руках государства. Власть переключения принадлежит переключателям, социальным акторам разного типа, которые определяются контекстом, где специфические сети должны быть соединены для особых целей. Конечно, государства все еще могут бомбить, заключать в тюрьму и мучить. Но если они не находят способов собрать вместе несколько стратегических сетей, имеющих долю в прибыли от возможности государства применять насилие, то полное осуществление их власти принуждения обычно существует недолго. Стабильное доминирование, обеспечивающее основу для усиления властных отношений в каждой сети, требует сложного согласования для установления партнерских отношений с государствами или с сетевым государством, что способствует совершенствованию целей, установленных для каждой сети соответствующими программами.

Во-вторых, дискурсы власти обеспечивают существенные цели для программ конкретных сетей. Сети перерабатывают культурные материалы, которые сконструированы в разнородных дискурсивных сферах. Эти программы направлены на достижение конкретных социальных интересов и благ. Но чтобы быть эффективными в программировании сетей, они должны основываться на метапрограмме, которая позволит получателям дискурса усвоить категории, с помощью которых они отыщут значение их собственных действий в соответствии с программами сетей. Это особенно важно в контексте глобальных сетей, потому что культурное разнообразие мира должно быть ограничено некоторыми общими рамками, которые относятся к дискурсам, передающим разделяемые интересы каждой глобальной сети. Другими словами, существует потребность создать глобальную культуру, которая, скорее, дополнит специфические культурные идентичности, чем вытеснит их, для осуществления программ сетей, которые глобальны по их охвату и цели. Чтобы глобализация осуществилась, нужно отстаивать дисциплинарный дискурс, способный фреймировать специфические культуры [Lash, Lury, 2007].

Таким образом, переключение и программирование глобальных сетей являются формами реализации власти в нашем глобальном сетевом обществе. Переключение запускают переключатели, программирование осуще-

ствляют программисты. Кто переключает и кто программирует — специфика всякой сети, которая не может быть определена без изучения каждого конкретного случая.

Сопrotивление программированию и нарушение переключения для защиты альтернативных ценностей и интересов являются формами контрвласти, осуществляемой общественными движениями и гражданским обществом — локальными, национальными, глобальными, — сталкиваются с трудностью, обусловленной тем, что сети власти обычно глобальны, тогда как сопротивление контрвласти, как правило, локально. Как достичь глобального из локального через создание сетей с другими локальностями — как «омассовить» пространство потоков, — становится ключевым вопросом стратегии для социальных движений нашего века.

Особое значение переключения и программирования в значительной степени определяется формами власти и контрвласти в сетевом обществе. Переключение между различными сетями требует способности создавать культурный и организационный интерфейс, общий язык общего медиума, «поддержку» признанной в качестве универсальной ценности меновой стоимости. В нашем мире типичной формой меновой стоимости, используемой для достижения любых целей, являются деньги. Именно в этой общей валюте чаще всего измеряется разделение власти между разными сетями. Этот стандарт измерения оказывается главным в силу того, что присвоение стоимости во всех сетях становится зависящим от финансовых транзакций, лишая при этом государство решающей властной роли. Это не значит, что капиталисты контролируют все. Это просто означает, что любой, имеющий достаточно денег, включая и политических лидеров, обладает лучшими шансами для управления переключением в своих интересах. Но, как и в капиталистической экономике, помимо денежных операций, может также использоваться бартер: обмен услугами между сетями (например, регулирующая власть в обмен на политическую поддержку со стороны бизнеса или дифференциация медиа по возможности политического влияния). Итак, переключающая власть зависит от способности породить меновую стоимость через деньги или посредством бартера.

Существует второй главный источник власти: способность сетевого программирования. Эта способность, в конечном счете, зависит от возможности породить, распространять и влиять на дискурсы, которые фреймируют человеческую деятельность. Без этой дискурсивной возможности программирование конкретных сетей неустойчиво и зависит только от власти акторов, закрепленной в институтах. Дискурсы в нашем обществе формируют общественное мнение через одну определенную технологию: коммуникационные сети, организующие общественную коммуникацию. В силу того что общественное сознание как набор ценностей и фреймов, которые широко распространены в обществе, является, в конечном счете, именно тем, что влияет на индивидуальное и коллективное поведение,

программируя коммуникационные сети — главный источник культурных данных, поддерживающих запрограммированные цели любой другой сети. Более того, поскольку коммуникационные сети связывают локальное с глобальным, коды, распространенные в этих сетях, имеют глобальный охват.

Альтернативные проекты и оценки, направляемые социальными акторами на цели перепрограммирования общества, должны также проходить через сети коммуникации с целью трансформации сознания и взглядов людей, чтобы бросить вызов существующей власти. И только воздействуя на глобальные дискурсы через глобальные коммуникационные сети, они смогут влиять на властные отношения в глобальных сетях, которые структурируют все общества. В крайнем случае власть программирования создает условия переключения власти, потому что программы сетей определяют диапазон возможных границ в процессе переключения. Дискурсы содержат описания возможностей того, что могут и чего не могут сети. В сетевом обществе дискурсы порождаются, распространяются, защищаются, усваиваются и, в конечном счете, внедряются в человеческую деятельность в социализированных сферах коммуникации, конструируемых вокруг локально-глобальных сетей мультимодальной, цифровой коммуникации, включая медиа и Интернет. Власть в сетевом обществе — это коммуникационная власть.

Учебное издание

Серия «Переводные учебники ВШЭ»

Мануэль Кастельс

Власть коммуникации

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *М.С. Ковалева*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *С.В. Родионова*

Корректор *Н.В. Андрианова*

Подписано в печать 10.12.2015. Формат 70×100 1/16

Печать офсетная. Гарнитура Newton

Усл. печ. л. 46,2. Уч.-изд. л. 33,5. Тираж 1000 экз. Изд. № 1628

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Тел./факс: (499) 611-15-52

ISBN 978-5-7598-1009-4

9 785759 810094